

НОВАЯ ФАНТАСТИКА · ВОЗВЫШЕНИЕ

ИВАН ОЧЕНКОВ АНТОН ПЕРУНОВ

ЮНШТА
ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

#Попаданец #Боярь-Аниме #Дизельпанк
#Летающие корабли #Магия и приключения

Иван Валерьевич Оченков
Антон Перунов
Воздушные фрегаты. Юнга
Серия «Воздушные фрегаты», книга 1
Серия «Новая
фантастика. Возвышение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68882577
Оченков, Иван Валерьевич; Перунов, Антон Юрьевич. Воздушные
фрегаты. Юнга: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154003-6

Аннотация

В 2022 году мир изменился и уже никогда не станет прежним. Но для Вениамина Мартова этот год изменил вообще всё. Вокруг него теперь новая реальность, совсем не похожая на прежнюю жизнь. Разве что небо все то же. Вот только в нем парят воздушные фрегаты, среди облаков гремят залпы тяжелых орудий, а звездные алмазаны способны одарить силой. И в помолодевшей душе живет мечта о небе.

1941 год. Российская империя. Протекторат Чосон. И наш современник, угодивший в незнакомый для него мир. Здесь и начинается долгий путь в облака. И первый шаг, который

предстоит сделать нашему современнику, – стать юнгой. Но для начала надо просто выжить и разобраться со свалившимися на него проблемами.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

131

Иван Оченков, Антон Перунов

Воздушные фрегаты. Юнга

© Иван Оченков, 2023

© Антон Перунов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Болиши сея любви никтоже имать,
да кто душу свою положит за други своя.*
Ин. 15:13

Впервые Март прочувствовал, что отличается от других, в седьмом классе. Жили они тогда где-то на Дальнем Востоке, куда его отца-военного в очередной раз перевели по службе. Таких школ он за одиннадцать лет учебы сменил немало. Обычно у него не возникало слишком уж дружеских отношений с одноклассниками, но не было и вражды. Март, в принципе, не слишком общительный, так что это не было проблемой, но в тот раз у него появились настоящие враги.

Началось все, в общем, с глупости. Самая красивая девочка в классе – Наташа – однажды запнулась, и оказавшийся рядом Март ухитрился ее поддержать. Казалось бы,

что тут такого? Увы, фигура Наташи, в отличие от большинства ее подружек, успела округлиться и приобрести приятные мальчишескому взору выпуклости, за одну из которых имел неосторожность ухватиться пришедший ей на помощь подросток. Продлилось это секунду, не более, но одноклассники успели заметить.

– Гы-гы-гы, – противно прогундусил Савка, которого даже его приятели звали за противный характер не иначе чем «Сявка», – новенький Натаху лапает.

– Что ты выдумываешь! – прошипела на него покрасневшая как вареный рак девочка.

– И ничего я не выдумываю, – заулюлюкав, отскочил почувувавший добычу мелкий шакал. – Все видели! Ведь, правда же, видели?

В сущности, никакого веса в классе, равно как и во дворе, Сявка не имел, так что тьфу на него и растереть, но... он принадлежал к компании Сереги Гирина, Гири – довольно рослого парня из параллельного класса, к тому же второгодника. Тот с недавних пор почувствовал себя взрослым и оказывал явные знаки внимания признанной красавице Наташе.

– Ты чего к моей девчонке лезешь? – грозно, как ему показалось, прошипел Сергей, попытавшись схватить своего «соперника» за ворот.

– Отвали, – отбил его руку Март.

– Ты че попутал? – взвился оскорбленный в лучших чувствах доморощенный Отелло.

– Ни к кому я не лез! – четко проговаривая каждое слово, ответил ему новенький, после чего, не совсем подумав, добавил: – Нужна мне она!

К несчастью, эти неосторожные слова услышали все, включая виновницу этой бучи, явно оскорбившуюся таким отношением. К слову сказать, Март самую малость покривил душой. Руки его успели почувствовать гибкость девичьего тела и мягкость не слишком надежно укрытой чашками бюстгальтера груди, отчего в душе пробудились странные чувства, которые он вряд ли смог кому-нибудь описать.

Если бы не это, все закончилось бы без особых последствий. Ну, подрались бы мальчишки, выясняя отношения из-за понравившейся им обоим девочки... Увы, во-первых, Сергей счел, что новичок покусился на его авторитет, а во-вторых, Наташа смертельно обиделась. Неизвестно, что она сказала своему навязчивому кавалеру, но в итоге оба они жаждали крови.

Так что вечером после школы никакой честной драки один на один не случилось. Наоборот, стоило Марту выйти за ограду, как два приятеля Гири схватили его за руки и потащили прочь от чужих глаз.

– Вы что? – попытался он вырваться из их рук, но сразу не получилось, а потом злорадно ухмылявшийся Савка ударил его под дых.

– Не будешь на наших девчонок заглядываться, – аргументировал он свои действия.

– Откуда у тебя девчонка могла взяться, – огрызнулся задыхавшийся Март.

– Да я тебя...

– Сявка, тебе что сказали: на шухере стоять! – цыкнул на него один из державших Марта за руки пацанов, придерживающийся того же мнения, что и его пленник.

– Да я...

– Быстро! – рявкнул только что подошедший Гирич, и верный подхалим тут же исчез.

– Ну чо, потолкуем? – продолжил Сергей, повернувшись к пленнику.

– Давай, – отозвался Март. – Только один на один!

– Э-э, нет. Много чести, – ухмыльнулся тот и коротко без замаха ударил противника по лицу.

Это было куда хуже, чем просто быть избитым. От пощечин голова мальчишки моталась, на глазах сами собой вылезли слезы, но что самое ужасное, чуть в стороне с отсутствующим видом стояла Наташа и краем глаза наблюдала, как бьют нечестивца, посмеявшегося усомниться в ее красоте.

– Глядите-ка, он нюни распустил! – обрадованно прогнозировал бросивший пост вечно простуженный Сявка. – Я же говорил, что он баба!

– Тьфу, – картинно сплюнул Гирич. – Фуфло!

При других обстоятельствах это слово могло навсегда уничтожить репутацию Марта в школе, но в этот момент в его голове произошло что-то непонятное. Он как бы с раз-

ных сторон одновременно увидел глумливую ухмылку Савки, презрительное выражение лица Сергея и особенно почему-то четко сфокусировался на «вражеском» левом ухе. Самым обычном, разве что слегка оттопыренным.

– Ай! – тонким голосом завопил Гири́н, почувствовав, что кто-то запрыгнул ему на спину и вцепился зубами в ушную раковину.

Боль была настолько нестерпимой, что он принялся скакать на месте, отчаянно пытаясь сбросить с себя напавшего, но тот продолжал держаться, не разжимая при этом челюстей.

– Глянь, – ослабил хватку один из конвоиров. – Сявка сбрендил!

То есть сказал он, конечно же, куда грубее, поскольку и взрослые и дети говорили в этих местах исключительно матом, но не все терпит даже бумага. А тем временем самый верный клеветник и подхалим Гирина – Сявка, не понимая сам, что делает, не прекращал сжимать зубы, пока Сергей его, наконец, не скинул и не рухнул рядом, зажимая рукой окровавленную голову.

– Серый, гадам буду... – пробормотал Савка, выплюнув изо рта кусок плоти своего патрона, но его уже никто не слушал.

Несмотря на совсем не атлетическое сложение, кое-что Март умел. Когда один из державших его мальчишек немного ослабил хватку, он боднул противника тяжелой головой

и одним рывком высвободил руку После этого, резко повернувшись ко второму, пробил сбоку точно в колено опорной ноги. Не ожидавший такой подлости парнишка рухнул на землю как подкошенный. Затем, порядком озверевший от боли и унижения Март без всяких тормозов добавил с размаха в промежность упавшего. Действовал он интуитивно и по вдохновению, не размышляя и полностью доверившись охватившей его боевой ярости. Затем пришел черед добивания первого, благо тот еще продолжал, приходя в себя от нокдауна, как зачарованный глазеть на происходящее перед ним действо.

Короткий тычок кулака прямо в кадык заставил пацана в ужасе упасть на колени. Давясь и судорожно кашляя, он пытался вдохнуть хоть немного воздуха.

«Эти двое готовы», – с удивившим его самого спокойствием сделал вывод мальчишка, осознавая, что вышел из неравной драки победителем. Гирин, как и вздумавшие играть роль конвоиров подручные корчились на земле от боли, а Сявка с совершенно безумным видом метался между ними, пытаясь сообразить, как это всё случилось и что ему делать.

– Беги! – посоветовал ему Март и пристально, как будто видел впервые, окинул взглядом застывшую, как соляной столб, Наташу

– Прекратить! – раздался грозный голос директора школы, отставного подполковника Строгина. – Что здесь происходит?

– Все в порядке, Николай Иванович, – на автомате сообщил ему не придумавший ничего лучшего Савка. – Мы просто играем!

Увы, дежурная отмазка не проканала.

– Какие настезь игры! – захохотал командным голосом отставник. – Да я вас сейчас всех поставлю ра...

Места вокруг были суровые, не говоря уж о том, что никто в те времена и не подумал бы осудить педагога, посулившего своим нерадивым ученикам неотвратимое наказание. Напротив, если бы великовозрастное дитяtko вздумало пожаловаться, дома его, скорее всего, ожидала бы дополнительная трепка.

– Гирин, Якушев, Гололобов, – продолжал Строгин, – с вами все понятно! Мартов, от тебя не ожидал, ну да ладно. Светина, а ты тут что делаешь?

– Николай Иванович, – рискнул прервать его филиппику Март, – Гирину «скорая» нужна.

– Скорая-хреновая! – передразнил расходившийся директор, после чего, немного придя в себя, поинтересовался: – А что это с ним?

– Гололобов ему ухо откусил.

– Да ну на... – завис тот, после чего не слишком логично спросил: – А почему не х..?

– Не знаю, – пожал плечами мальчишка. – Николай Иванович, можно я пойду? Мне еще уроки делать.

– Иди, – разрешил Строгин. – Но чтобы завтра родители

явились в школу!

– Хорошо.

– Что ж, бл... хорошего... Светина, ты еще тут? Ну-ка марш в учительскую и скажи, чтобы Клавдия Михайловна «скорую» вызвала!

– У нее еще уроки...

– Так сама вызови, чтоб тебя! Жопой вертеть в коридорах ума хватает, справишься и с телефоном!

Как ни странно, но тот случай не имел для Марта особых последствий, ведь никто не догадался связать *его* с внезапным помешательством вздумавшего кусаться Савки. Разве что мама какое-то время пилила ему мозги, чтобы он больше не связывался с хулиганами. Да еще к нему навечно прилипла кличка – Март, от фамилии Мартов. А на самом деле звали его Вениамином или Веней. Впрочем, оба эти варианта казались подростку дурацкими, так что он охотно откликнулся на свое новое погоняло.

Второй случай произошел спустя четыре года, во время вступительных экзаменов в МАИ. Хотя, если быть точным, то провала. Вообще, выбор учебного заведения для Марта оказался совсем не простым и в первую очередь из-за родителей.

Отец страстно желал, чтобы его отпрыск непременно поступил в военное училище и таким образом продолжил династию, основателем которой был он сам. Зачем это было

нужно Юрию Осиповичу, не нажившему на государственной службе никаких богатств – ничего, кроме застарелой язвы и маленькой квартирке, – вряд ли смог бы объяснить и он сам.

Клавдия Анатольевна, напротив, была совершенно не против, чтобы сын пошел по достойной, но при этом мирной и обязательно хлебной стезе. Таковой ей представлялась юриспруденция. В своих робких мечтах она видела его преуспевающим адвокатом или юрисконсультантом в respectable компании, с большой квартирой, шикарной машиной и красавицей женой, которая подарит ей внуков.

Сам же Вениамин хотел летать. Не просто стать пилотом, против этого его строгий отец вряд ли стал бы возражать, в особенности если летчик будет военным, а инженером, заставляющим огромных железных птиц подниматься в пронзительную синеву неба. И при всем при этом – гражданским.

Многие мальчишки, выросшие в военных городках, мечтают стать офицерами, поскольку не знают иной жизни, но случаются и такие, кто не питает к военной службе ни малейшей симпатии. Март был как раз из последних.

С большим трудом настояв на своем выборе, Вениамин отправился поступать в институт и в первый раз после того памятного случая влюбился. Она стояла в очереди таких же абитуриентов и волновалась, отчего ее юное лицо, в обрамлении облака густых волос цвета спелой пшеницы, казалось прекрасным и одухотворенным. Стройная фигурка и дерзкая мини-юбка, открывающая длинные стройные ноги

в туфлях на высоком каблуке, не могли не привлечь к себе юношеского внимания.

Ни одна из девушек, рискнувших посвятить себя авиации, а таких, к удивлению Марта, было немало, не могла с ней сравниться. При том, что среди них хватало вполне симпатичных и в еще более коротких юбках, но вот она... Она была одна!

Через четверть часа их начали пускать в аудиторию, где проходил экзамен. Девушка пошла первой, а через некоторое время пришел черед Вениамина. Робея от прикосновения к мечте, он взял билет и пошел готовиться. Вопросы оказались сложными, но он неплохо подготовился и потому принялся писать на листке бумаги со штампом института, выполняя задания, пока в какой-то момент не отвлекся и не поднял голову...

Она стояла перед приемной комиссией такая беззащитная и одновременно прекрасная, что хотелось встать между ней и злобными старцами и отгонять их сияющим в лучах полуденного солнца мечом. Не было подвига, которого бы Март не мог совершить ради этой прекрасной девушки. Достать звезду с неба – пожалуйста! Разогнать тысячи врагов – где они? Помочь с экзаменом...

Мысль о том, что она не поступит и он, возможно, никогда ее больше не увидит, казалась ему невыносимой, и Вениамин начал действовать. То есть в тот момент он этого еще до конца не понимал, но внимательно смотрел на членов при-

емной комиссии, постепенно входя в давно забытое состояние, в котором как бы рассматривал их со всех сторон. Только что презрительно кривившие губы профессоры и доценты вдруг стали благожелательно улыбаться, выслушивая ответы явно приободрившейся прекрасной незнакомки, пока, наконец, не отпустили, сделав какие-то пометки в своих талмудах.

Впрочем, этого Март уже не видел, поскольку у него страшно заболела голова и потемнело в глазах. Пришел в себя он только перед комиссией, когда с ужасом понял, что в голове у него пусто и ничего положительного ответить он разом растерявшим свою доброту старцам не может.

– Эх, молодой человек, молодой человек, – хмыкнул самый старый и отвратительный из них. – Ступайте уж, хватит позориться.

– Как же все-таки упал уровень образования в стране, если с таким багажом приходят в МАИ! – поддакнул второй и осуждающе посмотрел на нечестивца, осмелившегося вторгнуться в святая святых авиации.

Узнать результаты экзаменов Март пришел с отчаянной надеждой хотя бы еще раз увидеть прекрасную незнакомку и, может быть, даже попытаться с ней заговорить. Она и вправду пришла, но, к несчастью, не одна, а с каким-то парнем, по виду мажором. Бесцеремонно растолкав всех перед объявлением, девушка нашла в длинном списке свою фамилию и с победным видом обернулась к своему спутнику.

– Я же говорила!

– Ну и умничка, – хмыкнул тот, по-хозяйски обхватывая ее за талию.

После этого, никого не стесняясь, они поцеловались и вышли из вестибюля, направившись на стоянку, где их поджидала роскошная иномарка, оставив несчастного Марта с разбитым сердцем и неосуществленными надеждами.

Совсем недавно ему казалось, что перед ним открыто множество дорог, но теперь осталась только одна – в наши славные вооруженные силы. То есть именно туда, куда ему особенно не хотелось. Впрочем, кое-какие положительные моменты все-таки имелись. Во-первых, Вениамин наконец-таки осознал, что у него действительно есть дар, которым можно и нужно пользоваться. Во-вторых, что таинственные силы необходимо расходовать экономно, иначе подобного фиаско не избежать. Ну и в-третьих, по порядку, но не по значению, хоть и с некоторым опозданием, наконец-то пришло понимание, что все зло в мире происходит исключительно от женщин.

Медкомиссия запомнилась суетливой толкотней и раздраженными врачами, старающимися как можно быстрее покончить со всей этой докукой. Будь обстановка поспокойнее, можно было бы попробовать воздействовать на людей в давно не стиранных белых халатах, но происходящий вокруг бедлам совершенно к этому не располагал.

Впрочем, вскоре представился другой случай. На сборном

пункте, где Март и другие призывники находились перед отправкой в учебные центры, неоднократно появлялись «покупатели» из самых разных родов войск. Моряки, танкисты, связисты и представители прочих военных специальностей. Был даже один невообразимо огромный майор из внутренних войск в краповом берете и с таким же цветом лица. Глядя на этого мордovorота со сломанным носом, самые отчаянные нарушители дисциплины сразу ежились и старались не отвечивать.

Был среди этих офицеров и один расслабленного вида капитан с неожиданно цепким взглядом. Судя по эмблемам, принадлежал он к царице полей и поначалу никакого интереса у будущих защитников отечества не вызвал. Общался с призывниками запросто, но без панибратства. Много шутил. Если просили сигаретку, не отказывал.

«Точно снабженец какой-то», – подумал Март, вспомнив одного из сослуживцев отца с такими же повадками.

Поговорку о том, что надо держаться подальше от начальства и поближе к кухне, Вениамин, как и всякий мальчишка, выросший в военных городках, знал очень хорошо. «Попробовать, что ли?» – мелькнула у него мысль.

Через пару минут явно занервничавший капитан обернулся и безошибочно нашел в толпе таких же невзрачных призывников Марта, после чего зрачки его странно сузились.

– Как фамилия, боец? – поинтересовался он, вернув на лицо добродушную улыбку.

– Призывник Мартов, – доложил Веня.

– Служить хочешь?

– Очень, – выразительно ответил молодой человек.

– Ну-ну, – ухмыльнулся уловивший сарказм капитан. –

Зовут-то как?

– Март, – почему-то представился прозвищем тот.

– Мартин, что ли?

– Макфлай, – зачем-то ляпнул Мартов.

– Да ты шутник, – ухмыльнулся «покупатель», – нам такие нужны!

Вот так призывник Вениамин Мартов и попал... в армейский спецназ. В первое время он очень ругал себя, поскольку угодить в такую часть, не желая служить в принципе, это надо было суметь. Затем неожиданно втянулся и даже стал получать удовольствие, насколько это вообще возможно при таких обстоятельствах.

Служил он, надо сказать, хорошо. За все полтора года срочной у него не было ни единого залета и ни одного наказания. Зато поощрения лились рекой даже за то, в чем он не участвовал. Контракт ему, разумеется, предлагали, но он отказался, и это тоже каким-то чудесным образом не вызвало недовольства у его начальства.

После дембеля он все-таки осуществил свою мечту и поступил в авиационный институт. Правда, уже не в МАИ, но это по большому счету было неважно. Некогда могучая отрасль огромной страны медленно, но верно приходила в упа-

док. Вместо отечественных самолетов на линиях все чаще трудились «Боинги» и «Аэрбасы». Малая авиация практически прекратила свое существование, конструкторские бюро скукожились до самой крайности, и даже появившийся, наконец, гособоронзаказ не мог исправить ситуацию.

Впрочем, Марта это не слишком коснулось, поскольку он уже нашел свою нишу, занявшись созданием, продажей и модернизацией дронов, коптеров и других беспилотных летательных аппаратов.

Кто только ни обращался к нему с заказами – ушлые журналисты и частные детективы, богатые чудики и службы безопасности крупных фирм. Дела шли более чем хорошо, потому что Вениамин Мартов как никто иной умел убедить клиентов в том, что они нуждаются в услугах именно его компании. А если случались неудачи, то виной тому был кто угодно, но не фирма «АэроТек».

Одним прекрасным утром, когда ничто не предвещало неприятностей, Март проснулся в чудесном настроении. Рядом сладко сопела Ирка – крашеная блондинка, имевшая массу достоинств вроде роскошной фигуры и не слишком великих умственных способностей. Пора было собираться на работу.

Включив кофемашину, Март быстро приготовил ароматный напиток и бесцеремонно растолкал все еще спящую подругу.

– Марик, ну пожалуйста, дай мне еще немножечко поспать, – привычно заканючила она, но, как обычно, не доби- лась успеха.

Во-первых, Вениамин никогда не оставлял в своей студии посторонних, а во-вторых, терпеть не мог, когда его называ- ли Мариком. Даже больше, чем если Веником.

– Подъем, – не терпящим возражений голосом приказал он. – А то водой оболью!

Впрочем, Ирка, хорошо знавшая правила игры, уже под- нималась. Все-таки полной дурой она не была и дрессировке вполне поддавалась. Сладко потянувшись, она напрямик на- правилась в ванную комнату, не потрудившись на себя что- нибудь накинуть, с тем, дабы несносный Веник мог оценить, чего именно он может в любую минуту лишиться навсегда.

Быстро приняв душ, девушка все-таки накинула на себя хозяйский халат, после чего соизволила принять в руки ча- шечку кофе.

– Скажи мне, Мартов, – поинтересовалась она, с удоволь- ствием отхлебнув ароматный напиток, – что я в тебе нашла?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Любишь, наверное?

– Вот еще, – фыркнула Ирка и принялась перечислять гре- хи своего любовника: – Квартира у тебя маленькая, машины нет, подарков не даришь, на курорты не возишь...

Последнее было не совсем правдой, поскольку недавно они вернулись из Турции, но возражать Март не стал. Во- первых, девушка совершенно не нуждалась в ответе, а во-

вторых, Анталья – все-таки не Мальдивы. Вообще, весь этот поток претензий давно превратился в их ритуал. Приехавшая покорять столицу провинциалка действительно не понимала, что заставляет ее держаться за этого не слишком красивого и богатого парня, а он хоть и понимал, но помалкивал.

На самом деле, ее давно никто не держал. Ирина честно пыталась найти себе какого-нибудь состоятельного папика, старательно посещая ночные клубы и прочие пати, где такие же, как она, «хищницы» охотились на богатеньких буратинов. Беда была лишь в том, что состоятельных людей в России хоть и немало, но охотниц до их состояния все-таки куда больше. Поэтому раз за разом обламываясь в своих надеждах, неудачливая содержанка возвращалась к своему Венечке.

Март и впрямь не имел машины, пользуясь в случае необходимости каршерингом. Но объяснять своей пассивности, что заодно у него нет проблем с обслуживанием и парковкой автотехники, не считал необходимым. То же самое касалось и квартиры. Поскольку большая часть его жизни проходила на работе и в командировках, а в студию он приходил только ночевать, да и то не всегда, смысла в более капитальном жилище не наблюдалось.

До работы он как всегда добрался на метро, благо станции находились буквально в двух шагах. Показав пропуск бдительной вахтерше тете Маше, стремительно пересек ве-

стибюль и поднялся на лифте на этаж, занятый офисом их фирмы.

– Вениамин Юрьевич, – остановила его секретарь-референт генерального, – Дмитрий Сергеевич просил вас зайти, как только появитесь!

– Хорошо, Алла Николаевна, – кивнул он. – Сейчас.

– Ну зачем же так официально, – улыбнулась секретарша. – Можно просто – Алла.

– Хорошо, Алла.

– Или Аллочка, – закинула удочку девушка.

– Боюсь, такое обращение может быть расценено как харассмент, – остался серьезным Март.

– Кого боитесь? – насмешливо поинтересовалась она.

– Профсоюза, разумеется, – отозвался молодой человек, вызвав звонкий смех своей собеседницы.

В отличие от Ирины, Алла была совсем не глупа, имела прекрасное образование, отличаясь при этом изрядной целеустремленностью. Добавьте к этому красивое лицо, естественный цвет волос и спортивную фигуру, выработанную неустанным трудом на тренажерах, не забудьте про безупречный стиль в одежде и умение себя подать – и перед вами возникнет почти идеальный образ.

Прекрасно зная, кто именно является генератором идей, а также лучшим переговорщиком в их компании, она давно положила глаз на перспективного кадра и вела планомерную осаду, но тот пока что ухитрялся держать дистанцию. Конечно-

но, прекрасная секретарша генерального нравилась Марту и как женщина, и как специалист. Но связывать себя узами брака он не спешил, а ни к чему не обязывающей интрижки с Аллочкой не получится. Безукоризненно ровные белоснежные зубы вопьются в добычу и уже ни за что не выпустят ее.

– Что случилось? – поинтересовался Март, без приглашения устраиваясь в кресле.

– Наконец-то ты пришел, – вздохнул Сам, ослабляя узел галстука. – Тут такое...

– Дайте угадаю, заказчик нервничает?

– Не то слово!

– И почему на этот раз?

– Говорят, объект не работает!

– А мы тут при чем? На испытаниях все прошло штатно.

– Я тебя умоляю, ты что, не знаешь, кто за ними стоит?

– Да кто бы ни стоял, мы свои обязательства выполнили полностью.

– Послушай меня, – голос генерального стал вкрадчивым. – Да, сейчас мы свои деньги получили. Но это ведь крохи! А там – гособоронзаказ. Ты представляешь, какие это деньги?

– Представляю.

– Нет, не представляешь! Миллионы, причем не рублей!

– А вы знаете, что такое военная приемка и правило двадцать плюс один?¹ Ничего мы на этом не заработаем, кроме

---

¹ «20+1 %» – правило ценообразования при определении цены госзакупок в

геморроя. Только время зря потеряем.

– Вениамин!

– Я уже тридцать лет Вениамин.

– Черт бы тебя... – вздохнул директор, после чего встал из-за стола, сделал несколько нервных шагов по кабинету и с каким-то отчаянием в голосе попросил: – Надо, Март!

– Кому надо? – поморщился молодой человек, но, на-
ткнувшись на умоляющий взгляд начальника, напрягся. –
Вы не можете им отказать?

– Нет, – размеренно покачал головой Сам.

– Говорил же, не надо с ними связываться! – чертыхнулся
Март.

– Говорил... – с готовностью подтвердил директор.

– А вы не послушали!

– Не послушал.

На самом деле, на момент заключения контракта все вы-
глядело не так уж плохо. Большая фирма, занимавшаяся в
числе прочего поставками министерству обороны, взялась
за разработку ударно-разведывательного беспилотника. На-
правление было весьма перспективным, в особенности после
недавних событий в Закавказье.

Увы, работа не задалась, а потому потребовалось при-
влечь фирму, где трудился Мартов. В качестве субподряд-
чика, разумеется. Деньги обещали хорошие, работа казалась

не слишком обременительной. Она, в общем, и была такой, недаром Март быстро выявил причину проблем и подсказал пути решения, но внезапно проснувшаяся чуйка заорала во весь голос. Не надо браться за это! Но кто же его слушал?

– Куда ехать? – обреченно спросил Вениамин.

– В Донецк.

– Что?!

– Там испытания. В условиях, так сказать, максимально приближенных к боевым.

– Вы серьезно?

– Более чем!

– Погодите, вы что, не понимаете, что если мы засветимся, то никаких контрактов с границей может не быть?

– Можно подумать, сейчас их много.

– Так совсем не будет!

– А их и не будет. Разве что с Китаем, но у них такого добра и у самих хватает.

– Черт!

– Вот именно! Понимаешь теперь, почему мимо заказа пролететь нельзя? Это наш единственный шанс на спасение фирмы.

– Все так серьезно?

– А то ты не знаешь! – громыхнул генеральный, поняв, что Март вот-вот сдастся. – И не надо на меня так смотреть. Сам понимаешь, что кроме тебя в этой истории никто не разберется.

– Жаль.

– А уж мне-то как...

Выйдя из кабинета директора, Вениамин наткнулся на внимательный взгляд Аллы. Ну, разумеется, всезнающий секретарь-референт была в курсе предстоящей командировки Мартова. Но молчала, ни словом, ни жестом не выдав себя. И только в самой глубине ее прекрасных карих глаз мелькнуло нечто вроде сожаления.

– Прощайте, Аллочка, – впервые назвал ее так Март.

– Всего доброго, – расплылась в дежурной улыбке девушка, почему-то напоминая при этом акулу, потенциальную добычу которой утаскивает рыболовецкий трал.

Дорога запомнилась плохо. Авиарейсов в столицу мятежной провинции по понятным причинам не было, поезда тоже не ходили, так что пришлось добираться на выданном фирмой автомобиле. Роскошный микроавтобус «хендай», служивший в их фирме передвижным офисом, генеральный, конечно, зажал. Вместо него Марта ожидал «УАЗ-Патриот», слава богу, хоть в комплекте с шофером по имени Валера. Если бы пришлось самому дергать кочергу и рулить бестолковой баранкой без нормального усилителя, Вениамин, скорее всего, послал бы все к черту и уволился.

Водила попался не то чтобы неразговорчивый, но, убедившись после слов «машина – зверь!», что главному инженеру компании глубоко по хрен феноменальная проходимость

и такая же ремонтпригодность доставшегося им пепелаца, заткнулся и не досаждал начальству разговорами. А вот дело свое знал туго, и хотя до звания комфортной поездка не дотянула, терпимой ее назвать было можно. На место прибыли уже поздно ночью, сразу же отправившись в гостиницу, чтобы утром со свежими силами взяться за работу.

Летательный аппарат тяжелее воздуха дожидался своего «спасителя» в большом ангаре из гофрированного металла, покрашенного снаружи какой-то грязнозеленой краской и вдобавок ко всему затянутого поверх маскировочной сеткой. Периметр бдительно охраняли вооруженные люди в камуфляже без знаков различия.

Бегло осмотрев дрон, Март сразу же понял, в чем состоит неисправность, и ненадолго задумался. Многолетний опыт работы с богатыми клиентами подсказывал, что нельзя быстро устранять неисправности, иначе «кошелек на ножках» может решить, что дело не стоило выеденного яйца, и платить за него нет ни малейшей необходимости.

Напротив, надо под бдительным взором надзирающих за работой «спецов» все разобрать, заказать кучу нужных и не очень материалов и запчастей, после чего еще пару дней повалять ваньку, а затем собрать обратно и с победоносным видом презентовать «эффективным менеджерам» из чужого руководства.

Но вот чуйка, которой он привык доверять, просто вопила: «Делай все побыстрее и вали отсюда!»

Вероятно, все дело было в клиентах. Начальником их был коротко стриженный поджарый мужчина трудно определимого возраста. Весь внешний вид его говорил о бывшей или нынешней принадлежности к силовым ведомствам, но не к армии. Это Март понял сразу. Выправка не та и к козырянию равнодушен. Еще один, явно из менеджеров компании заказчика, в абсолютно неуместном в данной обстановке дорогом тысячедолларовом, как говорила Ирка, костюме смотрелся перед старшим нашкодившим мальчишкой.

Еще пара наблюдавших за работой, судя поговору, были из местных. Тоже в камуфляжах, но более поношенных и, возможно, даже побывавших в переделках. У них единственных было при себе оружие – пистолеты в прицепленных к поясам тактических кобурах. У Мордатого – «глок», а у его помощника ПМ. Начальника и менеджера охраняли бодигарды – рослые ребята в чоповских камуфляжах и балаклавах.

Переодевшийся перед работой в комбез Март выглядел в их глазах, вероятно, каким-то слесарем, но, по крайней мере, «начальник» держал себя корректно.

– Что скажете? – нетерпеливо спросил он, как только Вениамин окончил осмотр.

– Через пару часов починим, и можно будет испытать, – вынес вердикт тот.

– Ты хочешь сказать, что с дроном все в порядке? – дернулся «менеджер», окатив человека, умеющего работать ру-

ками, презрительным взглядом.

– Я с вами гусей не пас, – отбрил его Март, ненавидевший подобное отношение. – Что до аппарата, то он нуждается в своевременном обслуживании и квалифицированной наладке. Остальное приложится.

– Вы говорите, имело место небрежное выполнение своих обязанностей техническим персоналом? – выделил главное из его слов «старший».

– Если не упоминать того, что ударно-разведывательные дроны, по моему глубокому убеждению, являются тупиковым путем, – вздохнул инженер, – то хотя бы на предсерийных образцах можно не воровать?

– Что?! – взвились все присутствующие, кроме охраны.

– Ну вот, смотрите, – принялся объяснять Вениамин. – На образце, изготовленном в нашей фирме, применялись японские и европейские комплектующие. Двигатель, приводы, управляющий блок. В общем, все. Здесь же – сплошной Китай, причем не всегда аналоги, а, скорее, первое, что подошло по габаритам.

– Так, – нахмурился начальник.

– Теперь о ГСМ. Вот здесь должна быть специальная графитовая смазка, а на деле, судя по консистенции и цвету, – литол. Что залито в двигатель, я сказать не могу, но точно не «Шелл».

– Этого просто не может быть! – пошел в отказ менеджер. – Обслуживание и наладку производили наши лучшие

специалисты...

– Подождите, – прервал его старший, после чего вновь обратился к Марту: – Вы сказали, что аппарат собран из некондиционных деталей, но все-таки будет работать. Так?

– Я сказал, что его можно будет испытать. Но да, скорее всего, будет.

– Каким образом?

– Необходимый комплект ЗИП у меня с собой. Замену смазки, почищу, отрегулирую. Остальное вроде работоспособно.

– Что значит «вроде»? – прищурился не терпевший уклончивых ответов «руководитель».

– Что будут потери в скорости, грузоподъемности и радиусе работы. Остальное я смогу сказать только после испытаний.

– Действуйте!

Как и обещал Вениамин, через два часа аппарат был готов. Все приводы работали штатно, послушно выполняя приказы пульта. Движки, хоть и не перестали немного дымить, бодро гудели, вращая пропеллеры. Убедившись в исправности агрегатов, Март легонько двинул рычажок на пульте, и крылатая машина двинулась по взлетке. Быстро набрав скорость, дрон оторвался от земли и взмыл в небо.

– Есть! – радостно выкрикнул представитель местных, сделав характерный жест руками. – Работает!

– Куда ж он денется, – вытер внезапно вспотевший лоб

Март.

Когда все закончилось и выполнивший программу испытаний дрон приземлился, Вениамин подошел к заказчикам и передал им прозрачную папку с вложенными туда несколькими листами формата А4.

– Вот здесь перечень всех необходимых работ и материалов для своевременного и квалифицированного обслуживания аппарата. А также меры по повышению надежности.

– Быстро вы, – удивился старший, протягивая руку. – Когда только успели?

– Если честно, то еще в Москве.

– Вы знали, в чем дело?!

– Скажем так, догадывался.

– Почему же просто не прислали эти документы с пояснениями?

– И кто бы вам их показал?

– Ладно, разберемся, – пообещал начальник, выразительно взглянув в сторону менеджера.

– Я могу возвращаться?

– Не задерживаю!

«Вот и славно», – успел подумать про себя Март, но тут к нему подошел один из местных, тот, у которого в кобуре был «макаров».

– Можно вас на минутку? – спросил он.

– В чем дело? – вопросом на вопрос отвечал насторожившийся Вениамин.

– Я вижу, вы крутой специалист по беспилотникам? Может, поможете и нашему горю?

– Боюсь, у меня нет времени, – попытался отказаться Март, но не тут-то было.

– Меня Олегом зовут, – с ходу представился новый знакомый и, не теряя времени даром, вывалил на приезжего москвича свои проблемы.

Как оказалось, Олег отвечал в ополчении как раз за это направление, и в последнее время его подчиненные несли большие потери в матчасти.

– Это нормально, – попытался возразить Вениамин. – В современных условиях дроны – расходный материал.

– Ага, – хмыкнул местный. – Ни фига себе расходничек по три тыщи бакинских!

– Война – вообще дорогое удовольствие.

– Скажи еще, нечего было в сепаратизм играть! – опасно сузил глаза Олег.

– Простите, мне некогда, – сухо откланялся Март и поспешил выйти.

Он вообще не любил конфликтовать по политическим вопросам. Выгоды от этого никакой, а вот энергии можно потратить много. А если учесть, что люди тут вооруженные и нервные, то и вовсе. Сам Вениамин давно про себя решил, что он не турбопатриот, а обычный человек. Чем они отличаются? Да тем, что, когда у страны возникает беда, обычные люди получают повестку и, оторвавшись от своих дел,

отправляются решать эту проблему. А турбо выступают на митингах, посвященных их отправке, и кричат, что все пропало.

Март уже добрался до гостиницы и планировал немедленно начать собирать вещи, когда к нему подбежала девушка. Впрочем, определить ее гендерную принадлежность было непросто. Худенькая, в мешковатом «комке» и с короткой стрижкой, она больше напоминала даже не мальчика, а взъерошенного воробья.

– Вениамин Александрович, – закричала она издали, чтобы привлечь к себе внимание. – Вениамин Александрович, подождите!

– Слушаю вас, – обернулся он.

– Вы... – сбивчиво начала девушка. – Здравствуйте. Вы меня не узнаете?

– Простите, нет!

– Мы встречались три года назад во время соревнований на Воробьевых горах. Вы тогда свой новый беспилотник показывали... Помните?

– Да, – кивнул обладавший почти фотографической памятью Март. – Простите, не узнал сразу Вы тогда рыжая были.

– Точно, – улыбнулась девица.

На самом деле, она была не просто рыжей, а с ядовито-красным чубом, и, по всей видимости, поэтому и запомнилась. Вдобавок к экстравагантной прическе на левой щиколотке и правом бедре красовались разноцветные татуи-

ровки – плюс мальчишеская одежда. В общем, он решил, что девушка феманутая на всю голову, и больше на нее внимания не обращал. Хотя выступила она со своим квадратиком совсем неплохо.

– Слушаю.

– Меня зовут Таня.

– Рад за вас!

– Э-э, – проямлила растерявшая весь свой запал девица, – брат сказал, что вы можете, но не хотите нам помочь...

– Брат, это Олег? – уточнил Март.

– Да.

– И вы решили, что сможете меня уговорить?

– Ну... я хотела попробовать...

«Нет ничего более нелепого, – подумал Вениамин, – чем феминистка, пытающаяся включить ”яжедевочку”». Но вслух сказал совсем иное.

– Вы попробовали, и у вас не получилось.

– Жаль, – вздохнула Татьяна, и в глазах ее предательски блеснула слеза.

– А в чем проблема-то? – сам не зная почему, спросил Март.

– Просто время от времени наши дроны падают в расположении противника, и мы ничего с этим не можем сделать.

– В одном и том же месте?

– Нет, всегда в разных. Хуже того, потом эти квадратики начинают работать на них. Мы недавно сбили один и прове-

рили по номеру.

– Глушилка.

– Что?

– Кто-то с той стороны изготовил компактную глушилку и сначала лишает дроны связи, а потом перехватывает управление.

– А так можно?

– Вы точно специалист и принимали участие в соревнованиях?..

– Нет, – смутилась Таня. – То есть да. Я знаю, что это в принципе возможно, но нужна довольно громоздкая аппаратура. Там ее просто негде разместить.

– Значит, нашелся умелец.

– Понятно, – задумалась девушка.

В этот момент появился водитель Валера и, увидев Марта, поспешил к нему.

– Вениамин Александрович, тут такое дело...

– Что еще?

– Да прокладка потекла на нашем «змейгорыныче».

– На чем?!

– Ну на «уазике». Я его так про себя прозвал. Да вы не волнуйтесь, это плевое дело. За пару часов управлюсь. Мы ведь еще не уезжаем?

– А раньше вы о чем думали?..

– Так ведь только заметил!

– Тьфу ты, пропасть! Точно за два часа почините?

– Ну, может быть, за три...

– Завтра с утра выехать сможем?

– По-любому!

– Действуйте!

– Это мы запросто, – улыбнулся во весь рот водила и бросился лечить своего железного коня.

– Так где, говорите, это происходит? – поинтересовался Март у Тани, все еще торчавшей рядом с ним.

– Тут – почти рядом, – широко распахнула изумрудно-зеленые глаза девушка, мгновенно высушив слезы.

– Пойдем, посмотрим, – буркнул инженер, пытаясь не слушать завопившую во весь голос чуйку.

Дело в том, что он и сам давно работал над прибором, позволяющим брать управление чужим дроном на себя, но пока что не преуспел, и рассказ Татьяны разбудил в нем любопытство.

– А вы сможете помочь?

– На всякую хитрую гайку найдется свой болт, – пожал плечами Март, доставая из машины большой никелированный кейс.

«Совсем рядом» оказалось примерно в сорока километрах, которые они преодолели на выдавшем виды пикапе Олега. Нет, пепелац был вполне комфортным и мощным, но характерные отверстия в обшивке, кое-как заляпаные шпаклевкой, красноречиво говорили, что автомобилю доводилось бывать в переделках.

Дронов в хозяйстве Тани было несколько: от самых простых до навороченного «Аутель Эво» с тепловизором и камерой высокого разрешения.

– Хороший аппарат, – сдержанно похвалил Март.

– Да, – расплылась в улыбке девушка, как будто сама работала этот дрон.

– Сейчас я установлю кое-какую аппаратуру, а потом посмотрим, может, и обнаружим вашу глушилку.

– И что тогда делать? – с вызовом в голосе поинтересовался Олег.

– Сами что-нибудь придумаете, – пожал плечами инженер, раскрывая свой кейс с инструментами.

– Что ты привязался к человеку?! – прошипела Татьяна на ухо к брату.

– Терпеть не могу таких, – так же тихо отвечал ей ополченец. – Войну не любит, а бабки на ней зарабатывать не стесняется.

– Да с чего ты решил, что он такой?

– По глазам вижу. Я таких, как он, сердцем чую. Ей-богу, если бы не ты, я б его на хрен послал!

– И чтоб тогда делал? Он, знаешь, какой крутой спец по беспилотникам?

– Обошлись бы как-нибудь...

– Вечно у тебя все как-нибудь!

– Интересно, какова вероятность того, что вражескую глушилку удастся засечь? – сказал Олег громко.

– Минимальная, – отозвался подошедший к ним Март. – Раз вы говорите, что они действуют каждый раз в новом районе, то нам просто не хватит времени, чтобы пересечься.

– Тогда зачем ты здесь? – буркнул Олег.

– Не знаю, – получил он честный ответ. – Но попробовать все равно стоит. Я ведь везучий.

Зажужжав моторчиком, маленький квадрокоптер послушно взмыл в небо и направился к серой зоне, разделявшей противоборствующие стороны. Место здесь было неудобное и для обороны, и для наступления, а потому никто не спешил его занимать. Зато несколько ушлых предпринимателей время от времени возили здесь свои товары. Все были довольны. Местные получали необходимые им продукты и материалы, а начальство их противников – щедрую мзду, которую не хотели терять ни при каких обстоятельствах.

Так что серьезных боевых действий на этом участке не велось. Разве что иногда постреляют из пушек или пулеметов, но не более. А так – почти мир. И только разведывательно-диверсионные группы противников время от времени пользовались этим разрывом, чтобы ходить туда-сюда, выполняя задания.

Одна из таких групп в этот момент и скрывалась в зеленке, ожидая ночи, чтобы вернуться на свою территорию. Так что появление большого пикапа с группой непонятных людей не прошло незамеченным. А когда те запустили квадро-

коптер, один из наблюдателей позвал командира.

– Что тут еще? – недовольно спросил тот.

– Нас ищут, – прошептал часовой, показывая на незваных гостей.

– Черт! – скривился командир. – Их же не должно тут быть...

– Что будем делать?

– Подождем, пока наши их квадрик приземлят. Может, уйдут?

– А если они увидят, что не надо?

Говорят, что разведчики бывшими не бывают. Как бы давно ни служил Март, опасность он почуял сразу, вот только не мог определить, откуда она исходит. Беспилотник неторопливо прошелся над местностью, показывая на экране монитора обстановку. Оператором была Таня, а Олег и прихваченный им с собой боец изображали боевое охранение. Больше в салон пикапа не поместилось, а в кузов никого брать не стали.

– Не бойсь, тут спокойно, – немного презрительно сказал Вениамину ополченец.

– Как на кладбище, – кивнул тот.

– Тьфу на тебя, еще накаркаешь! – скривился тот и тут же рухнул как подкошенный от ударившей его в грудь пули.

– Ложись, – успел крикнуть Олегу Март, одновременно сбивая с ног Таню.

– Ты что? – успела возмутиться девушка, но увидев, что вторая пуля чиркнула дернувшегoся брата по плечу, сразу же притихла.

– Твою ж мать! – выругался, стиснув зубы от боли, Олег. – Откуда они взялись?

– Вон из того леска, – ответил Вениамин, осторожно перемещаясь в сторону пикапа.

– Надо добраться до радики и вызвать наших, – пискнула Таня.

– Так они тебе и позволят, – хмыкнул Март, – лучше скажи, ты управление квадриком не потеряла?

– Нет.

– Тогда надо попробовать их отвлечь, а я пока заведу двигатель.

– Не получится, – мотнул головой Олег, зажимая раненое плечо. – У них снайпер!

– И довольно хреновый.

– Это еще почему?

– Потому что ты до сих пор жив...

Увы, выполнить задуманное у Марта не получилось. Стоило ему подобраться к «форду», как рядом возник вражеский солдат с перемазанным черной краской лицом и автоматом.

– Стоять! – велел он, блеснув зубами.

– Стою, – послушно отозвался инженер, добавив на всякий случай: – Я не военный!

– Та я вижу, – ухмыльнулся вояка и громко крикнул остальным: – Эй, вы, сепары, бросайте оружие, не то я вашему дырок в башке наделаю!

Как обычно в случае опасности, Вениамин вдруг увидел все со стороны. Вот пикап, вот он рядом с диверсантом, а с другой стороны раненый Олег и Таня. Остальные враги еще далеко, включая и засевшего в кустах снайпера.

Дальнейшие события разбились на ряд фрагментов, время от времени складывающихся в прихотливую мозаику. Взятый его в плен солдат зачем-то встал во весь рост и пустил в сторону своих товарищей длинную очередь. Ответом ему был один-единственный выстрел, от которого тот грохнулся наземь и затих.

– Не такой уж ты и хреновый, – извинился перед неизвестным ему стрелком Март, подтянув к себе оружие убитого.

Сейчас ему не следовало делать резких движений и вообще напрягаться, но выхода не было. Про существование нонкомбатантов на этой войне знали далеко не все, да и, положив руку на сердце, совсем уж мирным он не был. Все-таки отремонтированный им беспилотник предназначался не для съемки свадеб.

Между тем враги приближались. Не подозревая, что беспорядочный огонь по ним вел их же товарищ, диверсанты решили, что перед ними лохи, и почти не скрывались. Это и стало их ошибкой. Стоило им подойти вплотную, как две ко-

роткие очереди перечертили грудь одного и заставили пригнуться второго.

С другой стороны несколько раз пальнул из своего «макарова» Олег. Толку от этого было не много, но отвлекло внимание противника. Причем настолько, что тот, потеряв всякую осторожность, привстал и вытянул шею, как будто пытался разглядеть что-то совершенно невероятное. Еще одна очередь удовлетворила его любопытство.

Сил больше не было. Виски пульсировали так, что казалось, будто голова вот-вот лопнет от напряжения. Автомат выскользнул из ставших ватными рук, но застывший как изваяние Вениамин этого даже не заметил. А перед его закрытыми глазами плясала картинка. «Изображение монитора коптера», – с трудом ворочая мыслями в кипящем от напряжения мозгу, подумал он.

Затем в перекрестии прицельной марки возник снайпер, и Март понял, что тот сменил позицию и теперь видит его. Это было очень странное ощущение. Он видел снайпера и одновременно себя его глазами, понимая, куда тот целится. Чувствовал, как палец ложится на спусковой крючок и как дрожит корпус беспилотника.

Винтовка в руках диверсанта дернулась, а через несколько секунд ему в голову врезался квадрокоптер. Удар был не слишком силен, но вращающиеся в бешеном темпе винты рассекли в нескольких местах лоб и щеки, отчего все лицо снайпера залило кровью. Больше он стрелять не мог.

– Оказывается, так тоже можно, – успел прошептать Март, прежде чем отключиться.

Для похорон тело Вениамина отправили в Россию. Провожавшая его Таня сильно плакала, а бегло просмотревший документы Олег вздохнул.

– Не понял я тебя, парень. Прости.

– Сколько ему было лет? – всхлипнула сестра.

– Он девяносто первого года, стало быть, тридцать.

– Боже, когда это все кончится?

– Я не знаю...

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.

Л. Н. Мартынов. Воздушные фрегаты

Воздушный змей, трепеща в порывах свежего ветра, поднимался все выше и выше и, казалось, вот-вот достигнет облаков, но ему как всегда не хватило леера. Вот только запустивший его с края высоченного обрыва вихрастый парнишка не огорчился. Напротив, все его существо захватила радость от вида парящего на недосягаемой высоте алого ромба. Право же, что может быть лучше, чем наблюдать за полетом, разве что взлететь самому?

Задрав голову и широко расставив ноги, он управлял по-

летом своего творения, когда совсем рядом послышались шаги.

– Витька, пришел все-таки? – не отрываясь от своего занятия, крикнул он, стараясь перекрычать ветер.

– Мартемьян Вахрамеев? – раздался рядом чей-то чужой и неприятный голос.

Обернувшись, юноша увидел двоих господ, одетых в почти одинаковые дорожные костюмы и клетчатые кепки с завязанными вверху наушниками. Такие же, только кожаные, головные уборы часто носят таксисты в Сеуле и Чемульпо. А возможно, и во всех прочих местах, где Марик еще не бывал.

– Он самый, – без особой любезности в голосе ответил он незнакомцам, после чего спохватился и почти вежливо добавил: – А что вам угодно, господа?

– Да так, дельце у нас к вам одно имеется, – осклабился один из подошедших, обменявшись вороватым взглядом со своим товарищем.

– Какое еще дельце? – насторожился молодой человек, перекладывая катушку из одной руки в другую.

– Не извольте беспокоиться, самое пустяшное, – растянул губы в принужденной улыбке второй и коротко без замаха ударил парнишку в живот.

Трепыхавшийся в порывах ветра змей тут же ощутил свободу и ринулся ввысь, увлекая за собой катушку леера. Своими нарисованными на полотнище глазами он уже не смог бы разглядеть, как его хозяина безжалостно и умело добивают

ударами тупоносых ботинок. Нападавшие прекратили избивание, только увидев, что молодой человек лишился чувств. Один из них сорвал с шеи своей жертвы гайтан² с увесистым медным старообрядческим крестом³.

– Дело сделано, – кивнул его товарищ и, подняв легкое тело парнишки на руки, швырнул его с обрыва напрямиком в море.

Покончив со своим грязным делом, убийцы не стали задерживаться и тут же направились назад, по петляющей горной тропинке.

– Погоди-ка, – внезапно остановился идущий впереди главарь.

– Что еще? – недовольно отозвался едва не наткнувшийся на него напарник.

– А ведь он кого-то ждал!

– И что с того?

– Нас могли заметить.

– Пустое. Не было там никого, а если бы кто и шел, так мы бы его уже повстречали. Пойдем скорее, а то не ровен час, дождь начнется, вымокнем как цуцики!

– И то верно, – согласился душегуб и больше уже не останавливался, пока не дошел до стоявшего у подножия горы открытого угловатого автомобиля с поднятым верхом.

---

² *Гайтан* – кожаный шнурок для ношения нательного креста.

³ Восьмиконечный православный крест, заключенный в более простой четырехконечный.

Устроившись на клеенчатых сиденьях, злодеи попытались запустить мотор, но тот, пофыркав немного для приличия, наотрез отказался заводиться. И чтобы как можно скорее скрыться с места преступления, одному из них пришлось выйти наружу и крутить пусковую рукоять⁴. Дело это оказалось не самым простым, но после длительных усилий упрямый двигатель все-таки заурчал, выпустив из выхлопной трубы целое облако густого сизого дыма, нестерпимо пахнувшего газOLIном.

– Неужели нельзя было взять в аренду нормальное авто? – недовольно буркнул промокший-таки под начавшимся дождем убийца.

– Где его взять нормальное-то в эдакой дыре, – вздохнул главарь, потянув на себя рычаг. – Да и платят нам не столько, чтобы на лимузинах раскатывать.

Фыркнув на прощание, самобеглый экипаж тронулся и скоро исчез за ближайшим поворотом, оставив внимательно наблюдавшего за происходящими событиями мальчишку в кустах. Звали его Вичан Ким, но русские друзья давно переделали его чосонское имя на более привычного Витьку. Именно его ждал у обрыва Мартемьян.

Сообразив, что происходит что-то неладное, подросток успел спрятаться и, как только злоумышленники покинули место преступления, бросился к морю искать своего товари-

---

⁴ *Пусковая рукоять* – почти забытое ныне приспособление для ручного пуска двигателя, или как его еще называли – «кривой стартер».

ща.

Дело в том, что у самого подножия скалы имелся небольшой грот, вход в который практически полностью исчезал во время прилива. Туда частенько прибывало всякую всячину, становившуюся потом добычей мальчишек. Обычно это, конечно, были водоросли и всякий плавучий мусор, но иногда попадались настоящие сокровища вроде спасательного круга с иероглифами или матросского сундука с какими-то принадлежностями, напрочь испорченными морской водой.

Но как только запыхавшийся Витька выбежал на узкую полосу пляжа, он оказался перед упавшим на колени и отчаянно кашляющим Мартемьяном.

– Ты жив! – завопил от радости Витька и бросился обнимать чудесно спасшегося товарища.

– Х-х-холодно, – еле слышно ответил тот, с трудом шевеля разбитыми губами.

– Пойдем скорее, – потащил за собой друга Ким в их убежище.

Внутри грота оказалось не то чтобы тепло, но, по крайней мере, безветренно. Кроме того, там хранилось некоторое количество вещей, составлявших все богатство мальчишек. В том числе большое и ужасно колючее одеяло, в которое пацан поспешил закутать несостоявшегося утопленника. Затем Виктор с помощью восковых спичек разжег костер в очаге, сложенном из крупных камней, и стало почти совсем хорошо.

В голове Марта все перемешалось. Он помнил, как на них во время испытаний дрона напали диверсанты, как он стрелял по противнику, но одновременно с этим в памяти упрямо возникала картинка с какими-то мутными типами, убившими подростка и бросившими его в море. Стоило телу парнишки оказаться в воде, как он очнулся и принялся отчаянно бороться за жизнь, однако холодная и равнодушная пучина медленно, но верно засасывала его в глубину. И последней мыслью тонущего было сожаление, что он так и не смог подняться в небо.

– Как и у меня, – буркнул Вениамин, плотнее закутываясь в одеяло.

– Чего «у тебя»? – встрепенулся Витька.

– Ничего, – поспешил успокоить его Мартов, сообразивший, что начал мыслить вслух. – Просто не пойму, где мы?

– Как где, – изумился его новый знакомый. – В нашем штабе!

– В штабе? – озадаченно переспросил Вениамин. – А почему не в госпитале?

– Как бы я тебя туда отволок? – удивился Ким. – Да и нет у нас тут близко госпиталя. Разве что в сеттльменте, а до него сорок верст.

– Дурдом! – пришел к выводу Вениамин, после чего решил все-таки выведать немного больше информации. – А ты вообще кто?

– Я кто? – даже обиделся приятель. – Да я твой лучший

друг! Я тебя, можно сказать, спас! Из моря вытащил! Ну, почти...

– Кстати, из какого моря?

– Желтого, дьявол!

– Ё... – замысловато выразился Март. – Но ты так и не ответил, кто ты?

– Я – Виктор! – почти закричал тот.

– Цой? – на всякий случай переспросил Мартов, разглядев наконец корейскую физиономию своего спасителя.

– Сколько тебе раз говорить, нет у нас такой фамилии! Правильно – «Чхве», а «Цой» только ваши тупые чиновники пишут.

– А, ладно... – устало отозвался Март, до которого стала доходить суть происходящего.

Поскольку родная фирма частенько отправляла своего самого ценного сотрудника в командировки, в дороге он зачастую занимал себя чтением всего подряд – от детективов до фантастики. Встречались и книжки про попаданцев. К Сталину, к Николаю II или в магические миры – не важно. Не то чтобы Вениамину такая литература нравилась, но отвлечься и занять время помогала.

«Я попаданец!» – понял он и неожиданно даже для самого себя успокоился. Несмотря на очевидную бредовость, эта версия объясняла и его местонахождение, и раздвоение личности. Об остальном, как говорила одна зацикленная на себе героиня американского романа, можно подумать завтра.

Однако времени у них, как оказалось, и не хватало.

– Нам это, пора, – хмуро заметил все еще дувшийся на него Витька.

– Куда?.. – На Марта волнами накатывала какая-то необо-
римая усталость пополам с тупняком. Звуки доносились
словно сквозь вату. Мысли путались, двоились и терялись.
Едва стоило отвлечься на другое, и он уже не мог вспомнить,
о чем думал только что.

– На кудыкину гору! – огрызнулся приятель, после чего
добавил более миролюбиво: – В приют.

– В приют? – непонимающе переспросил Март.

– Ну да. А то хватятся и сообщат куда не надо. Чего доб-
рого наш штаб обнаружат...

Мысль была хоть и не совсем понятная, но верная. Грот,
в котором они прятались, был неплохим убежищем на край-
ний случай, и выдавать его местоположение или хотя бы опо-
вещать о существовании было в любом случае не самым ра-
зумным делом. Опять же, если есть приют, значит, есть место
для ночевки. А также столовая или еще какой-нибудь пункт
приема пищи. Подкрепиться бы сейчас совсем не помешало.

– Идем, – кивнул Март. – Только помоги мне, а то я что-
то совсем ослаб.

– Конечно, – тут же кивнул не умеющий злиться Витька,
и вместе они направились к выходу

Приют – на счастье совершенно выбившегося из сил Ве-
ни – оказался не так уж далеко. Располагалось это богоугод-

ное заведение в небольшом распадке между двумя невысокими сопками и представляло собой комплекс из двух одноэтажных зданий, огороженных невысоким забором. В первом корпусе воспитанники жили, во втором находились хозяйственные постройки. Это ему сообщил во время пути Виктор, не без основания решивший, что, похоже, его друг потерял память и нуждается в подобном пояснении.

И странное дело, стоило приятелю поведать о какой-либо подробности, как в памяти Марта возникало соответствующее воспоминание и твердо занимало в ней свое место.

– А учимся где? – поинтересовался на всякий случай Март.

– Здесь же, – с сочувственным видом поведал ему кореец.

Точно, тут же припомнил Веня. Мартемьян и этот Витька сидят за одной партой.

– Где вы шлялись? – неласково встретил их у ворот дворник – отставной матрос Михалыч.

– Гуляли, Павел Михайлович, – немного заискивающим тоном сообщил ему Виктор.

– Ваше счастье, что директора на месте нет. Не то бы прямиком в карцер отправились, а будь моя воля, так и розог отведали бы! Ну-ка, олухи царя небесного, марш на кухню, – вам там поснедать оставили!

– Сейчас идем.

– Слышь, Вахрамеев, – вспомнил дворник. – Тебя какие-то ферты на автомобиле разыскивали. Я им велел, чтобы

завтрева приезжали, когда господин Петрищев вернется.

– Какие еще ферты? – едва не поперхнулся от воспоминаний Март.

– Сказали, будто из адвокатской конторы «Бобров и сын», – отвечал, поглаживая роскошные седые усы бывший матрос. – Только сдается мне, врал!

– Почему?

– Не видал я, что ли, крапивного семени? – пожал плечами дворник. – Вы ступайте-ступайте, неча тут...

Михалыч, припомнил Вениамин, был стариком невредным, просто любящим побухтеть, когда кто-либо не соблюдал строгий морской порядок. Но если к нему со всем вежеством, то он сразу оттаивал и особо воспитанников, в отличие от прочих служителей, не притеснял.

Оставленная ребятам на кухне еда, конечно, давно остыла, но проголодавшиеся мальчишки в момент стрескали кашу с куском пшеничного хлеба и запили ее холодным и почти не сладким чаем.

– Добавки бы, – привычно поканючил Витька, но дежурная кухарка тетя Маша тут же его обломала.

– Радуйся, что это осталось, байстрюк! – уперев руки в бока, заявила она. – Еще бы немного и того не увидали.

«Байстрюк означает незаконнорожденный», – подумал Март, и в голове тут же вспомнилась невеселая история приятеля. Отцом его был русский чиновник при консульстве, а матерью – официальная наложница из местных. Законами

королевства Чосон такое разрешалось, а русское начальство на шалости своих подопечных смотрело сквозь пальцы. При родах Витькина мать умерла, и сирота попал к ее родственникам, пока его не забрал отец.

Трудно сказать, что послужило тому причиной, поскольку признавать своего туземного отпрыска папаша не стал, но о кое-каком воспитании и образовании позаботился. Так Вичан и угодил в интернат, который по привычке именовали приютом.

Поев, подростки направились в дортуар⁵, где стояли их кровати. Сирот у них на самом деле было немного. Большинство воспитанников имели родителей или близких родственников, к которым и отправлялись на летние каникулы. На месте оставались только такие, как Мартемьян с Виктором, и еще несколько подростков.

Богоугодное заведение, в котором они учились и жили, находилось неподалеку от города Чемульпо и формально относилось к русскому селтльменту. Первоначально оно предназначалось для сирот, но затем сюда стали определять детей солдат и матросов с военной базы, а также отпрысков мелких служащих и мастеровых. Обучали их по программе для земских школ, а показавшим наибольшие успехи по окончании семи классов предоставлялась возможность держать экзамен для поступления в старшие классы реального училища.

Помимо общеобразовательных дисциплин учили их и

---

⁵ *Дортуар* – спальное помещение в закрытом учебном заведении.

ремеслу. Мальчишек – столярному и слесарному делу, а немногочисленных девочек – шитью и домоводству. Последнее обстоятельство Март вспомнил потому, что на входе в спальную залу их встретила Фимка.

Подобно Витьке она была плодом любви русского и корейки, но, в отличие от него, законнорожденной. Впрочем, мать ее давно умерла, а отец поспешил жениться на переселенке откуда-то из-под Рязани, и в новой семье места для девочки не оказалось.

– Ну-ка быстро рассказывайте, где пропадали?! – безапелляционно потребовала она.

– Не твое дело, – огрызнулся Ким.

– Я и сама знаю, что на скале Байнунгсан, хотя господин директор вам запретил.

– Погоди-ка, – остановился все еще опирающийся на плечо приятеля Вахрамеев. – Так это ты тем двоим, сказала, где меня искать?

– Кому тем? – попыталась прикинуться валенком Фимка.

– В одинаковых костюмах и кепках с наушниками. На автомобиле которые.

– Ну да, – признала очевидное девушка. – Они же адвокаты!

– Дура ты, Хэин! – взорвался Витька, назвав от волнения ее чосонским именем.

– Что с вами случилось? – разглядела она, наконец, многочисленные ссадины на теле Марта.

– Вахрамеева из-за тебя чуть не убили! – выпалил кореец, но, получив тычок в бок, тут же заткнулся.

– Как! – ахнула девчонка. – Надо немедленно сообщить воспитателям.

– Не надо никому сообщать! – попросил Веня, попытавшись сосредоточиться на ее голове.

Узкие глаза Фимки на мгновение расширились, как у героя манхвы⁶, но потом так же резко сузились, после чего она высоко вздернула свой крохотный носик и с гордым видом удалилась, выпалив на прощание:

– Больно надо!

– Ну все зло от баб! – пробурчал ей вслед Март, радуясь про себя, что ментальное воздействие удалось, и голова при этом не заболела.

– Дура, – согласился с ним Виктор, после чего немного мечтательно добавил: – Но красивая!

Однако его приятелю в этот момент было не до обсуждения внешности одноклассницы. Дело в том, что при входе в дортуар висело большое зеркало, в котором он наконец-таки увидел свое новое тело и едва не свалился в обморок.

Из трюмо на него смотрел он сам, только лет на пятнадцать моложе. Тот же рост, то же лицо, телосложение, в общем, все, как тогда, когда он впервые почувствовал в себе силу. А еще к нему вернулись все воспоминания Мартемьяна Вахрамеева. Точнее, почти все.

---

⁶ Манхва – корейское аниме.

Как-то так получилось, что помнил он себя только с восьми лет, когда его вытащили из-под обломков дома, разбитого точным попаданием бомбы. Израненного, переломанного мальчишку спасли бойцы абордажной команды воздушного фрегата «Паллада» во главе с боцманматом Игнатом Вахрамеевым. Они же и доставили все еще пребывающего в бессознательно-оглушенном состоянии паренька на борт корабля. Там за него взялся корабельный целитель, сумевший излечить наиболее серьезные раны безымянного пациента, погрузив его затем в глубокий сон. Марик пришел в себя незадолго до прибытия на авиабазу.

– Просыпайся, малыш. – Лекарь легким касанием ко лбу мальчика пробудил его и со всей возможной мягкостью спросил, видя, что глаза юного пациента открылись и смотрят осмысленно. – Я исцелил самые тяжелые раны, остальное заживет вскоре само.

– Благодарю вас, господин доктор, – прошептал мальчик.

– Можешь обращаться ко мне по имени-отчеству, Александр Павлович.

– Хорошо.

– А тебя как зовут?

– Мартемьяном, Александр Павлович. – Несколько томительных мгновений он молчал, а потом растерянно добавил: – Больше ничего не помню.

– Что ж, такое случается. Ты пережил сильное сотрясение мозга. Все, что позволяет современная медицина и целитель-

ское искусство, я сделал. Теперь дело за натурой. Организм у тебя молодой и здоровый. Даст бог, все придет в норму.

– Александр Павлович, что будет со мной теперь?

– Через несколько минут мы прибываем на базу. Тебя разместят временно в лазарете.

Оставшееся время полета Марик заворуженно смотрел в иллюминатор на облака и проплывающие далеко внизу поля и горы. Сколько ни старался, вспомнить он так ничего и не смог. В голове царил одна звенящая пустота.

Боцманмат Вахрамеев принял большое участие в судьбе своего «крестника». После выписки Марика из больницы он добился у начальства, чтобы «спасенного малыша покуда разместили в нашей казарме». А через несколько дней смог отыскать для него место в приюте для сирот. Когда Марику выправляли новые документы, то записали на фамилию спасителя – Вахрамеевым, но оставили вовсе без отчества. Возраст определили примерно. Доктор предположил, что спасенному ребенку лет восемь. Потому в метрике значилось – 14 июля 1925 года.

«Выходит, вроде как второй раз ты родился, паря...» – проведя рукой по мальчишечьей вихрастой голове, со вздохом пояснил тогда ему «крестный» – дядька Игнат.

День указали тот самый, когда японцы нанесли удар по русским кварталам Сеула. Большой войны тогда не случилось. Сеульский инцидент 1933 года канул в историю, но для Марика это событие стало роковым.

Единственной памятью о прошлой, но теперь неведомой жизни остался дорогой красного золота нательный крест. Но директор приюта – тогда еще титулярный советник, а вот уже три года как коллежский асессор Воронин, – решил, что мальчик может потерять свою единственную драгоценность, и потому забрал его на хранение, выдав взамен другой – медный.

Учился Мартемьян всегда старательно, так что учителя частенько ставили своего любимого ученика в пример остальным. Отличная память и природная любознательность позволяли усваивать знания без зубрежки. Также легко ему давалось и чистописание, и каллиграфия. Иногда ему казалось, что многое он и прежде умел, и если голова предательски отказывалась делиться потерянным прошлым, то тело не подводило, стабильно выдавая наработанные навыки.

Первые воспоминания его – о воздушном корабле, полете и военных летчиках – так отложились в душе, что никакой иной мечты, кроме как о небе, он и не хотел помыслить.

Задача эта была не проста, но Марик был готов на все, чтобы достичь своей цели.

И главным в его планах был расчет на стипендию, выдаваемую ежегодно попечительским советом Императорского общества учебных и богоугодных заведений в Дальневосточном наместничестве. Доставалась она лучшему ученику. И давала право продолжить обучение в старших классах ре-

ального училища или иных приравненных к нему средних учебных заведениях, после чего открывалась прямая дорога в университет, или, в его случае, в Великого князя Александра Михайловича воздухоплавательную школу.

Время от времени, как напоминания из прошлого, ему приходили короткие, написанные корявым почерком открытки – поздравления с Рождеством и Светлой Пасхой – от «крестного». Бывало даже, дядька Игнат высылал немного денег «на конфеты». Но вот лично со своим спасителем Марик так за все годы больше и не увиделся. Служба в разных частях Российской империи и даже далеко за ее пределами, а потом тяжелое ранение и инвалидность лишили Вахрамеева возможности навестить крестника.

Обрушившиеся на Вениамина воспоминания вызвали приступ дикой головной боли, от которой он, если бы не помощь Витьки, непременно свалился бы. Но верный друг все-таки сумел довести его до кровати и помог прилечь. Затем, убедившись, что приятель заснул, накрыл его колючим казенным одеялом и устроился на соседней койке.

Спал Март беспокойно. В голове то и дело возникали совершенно фантазмагорические картины огромных летающих кораблей, заливающих пространство под ними чем-то вроде напалма, затем он снова оказывался в воде и, будучи не в силах сопротивляться, опускался глубже и глубже в пучину, жалея лишь об одном, что ему так и не довелось подняться в небо.

Потом ноги коснулись каменистого дна, и тело как будто пронзила молния. Оттолкнувшись, что было сил, он попытался всплыть, и, когда легкие уже раздирало от удушья, ему удалось-таки достичь поверхности и глотнуть живительного воздуха. Только это был уже не сирота Марик, а Вениамин. А на берегу чудесно спасшегося подростка ждал не Витька Ким, а страшные убийцы, зачем-то снявшие с него крест.

В этот момент Март открыл глаза и проснулся. Тягучая, словно патока, боль прошла, а голова работала как никогда ясно и четко. Кто бы ни были эти таинственные киллеры, понятно, что им нужен был не только Марик, но и его крест. Но они не знали, что у него на шее был не настоящий. Значит, рано или поздно они вернутся и узнают, что их жертве удалось выжить. В таком случае ему нужно бежать, пока не поздно!

«Зря я вернулся», – с запоздалым сожалением подумал парень. Хотя, если подумать, то не совсем зря. Какое-то время у него есть, и пока злодеи не появились, надо забрать тельник обратно. Зачем он ему нужен, Марик вряд ли смог бы объяснить, но почему-то чувствовал, что именно в нем таится разгадка. Воронин приезжает завтра, точнее, уже сегодня.

«Успею», – подумал он и, повернувшись на бок, неожиданно сам для себя снова заснул.

На сей раз ему снился воздушный фрегат «Паллада», невообразимо огромный и прекрасный. Палуба под ногами

вибрировала от работы машин, ветер развевал флаги, а он – Март – стоял на мостике и упивался тем, как четко слышится штурвала боевой корабль Воздушного флота Российской империи.

– Вставайте! – противным голосом разбудила друзей Фимка.

– Отстань! – пробурчал Вениамин, переворачиваясь на другой бок.

– Что?! – закипела от возмущения нахальная девица. – Да я... да я... да я на вас воспитателю пожалуюсь! Нет! Директору!

– Его еще нет, – равнодушно парировал отчаянно зевающий Витька. – Кстати, как и воспитателей.

– Они вернутся!

– И что ты им скажешь? Мол, заходила в дортуар мальчиков, что благовоспитанной барышне делать никак не полагается? – съязвил Ким, явно кого-то передразнивая.

– Ну и валяйтесь! – обиделась Фима. – Я скажу, что вы есть не хотите и завтрак на вас можно не оставлять!

– Только попробуй! – забеспокоился мальчишка, но было поздно, ибо порядком разозлившаяся одноклассница вылетела вон из спальной залы.

– Давай вставать, – мрачно буркнул он товарищу – Не то и впрямь без завтрака останемся.

– Давай, – не без сожаления в голосе отозвался Март и, соскочив с узкой койки, принялся натягивать на себя одеж-

ду.

Сон, который он так и не досмотрел, был невообразимо прекрасен, но столь же нелеп. Какие, скажите на милость, могут быть воздушные фрегаты, да еще и в Российской империи? Право же, чушь какая-то! Хотя, если подумать, то ничуть не большая, чем погибнуть, а потом возродиться в теле своей копии в прошлом.

То, что вокруг прошлое, Март понял сразу. Во-первых, вместо пластиковых стеклопакетов в окнах зданий были деревянные рамы с самыми настоящими стеклами, причем некоторые из них были составлены из двух задвинутых друг на друга половин. Последний раз он такое видел в далеком детстве, когда стекольщику не хватало материала, и он составлял сшибки из кусочков. Во-вторых, и на кухарке, и на Фимке были длинные, до середины икры, платья. И если на взрослой женщине такой подол смотрелся более или менее уместно, то на девочке-подростке, да еще и кореянке, это было явной архаикой. Ну и, в-третьих, конечно, мебель. Довольно грубая, но при этом даже на вид прочная, она была изготовлена целиком из дерева без всяких там ДСП или МДФ⁷. Даже фанеры толком не видно. Оставалось понять, в какие именно годы его занесло. Память реципиента подсказывала, что в самое начало сороковых, но мозг отказывался верить, как и в существование воздушных кораблей.

---

⁷ ДСП – древесно-стружечная плита. МДФ – Medium Density Fibreboard. В принципе, почти то же самое, только ламинированное.

На завтрак они с Витькой почти не опоздали, и неодобрительно покачавшая головой подавальщица выделила им по куску ноздреватого серого хлеба с кружляшом ярко-желтого сливочного масла, а также по жестяной кружке круто заваренного чая. Вчера вечером Март был слишком уставшим и голодным, чтобы ощутить вкус пищи, но сегодня он просто упивался ароматом свежей выпечки и вкусом настоящего коровьего масла.

Судя по всему, изготовители продуктов еще не догадывались о существовании разрыхлителей, ароматических добавок и искусственных жиров, а потому все было совершенно натуральным и при этом невообразимо вкусным. А чай... это была просто симфония!

– Что с тобой? – пихнул его в бок мгновенно справившийся со своей порцией Ким.

– Все нормально, не парься, – пробухтел с набитым ртом Март.

– Чего париться-то? – явно не понял его приятель. – Банный день у нас в субботу, а сегодня, слава богу, уже понедельник.

– Вахрамеев, Ким! – строгим голосом окликнула их Фимка.

– Чего еще?

– Не вздумайте никуда сбегать! По крайней мере, до приезда господина Воронина.

– И в мыслях не было! – состроил постную физиономию

Витька.

– То-то же! – прищурилась ни на грош не поверившая ему девушка.

Вообще, всякое утро в приюте должно было начинаться с общей молитвы. Но отец Василий, служивший не только духовным наставником молодежи, но и преподавателем словесности и русского языка, уехал вместе с директором. Так что следить за религиозным воспитанием подрастающего поколения было некому, кроме дворника Михалыча. Тот же, как обычно, ограничился тем, что пообещал благословить розгой всякого, кто забудет о Божьих заповедях и плохо подметет выложенные плоскими камнями дорожки и плац.

Вот этим воспитанники и были заняты почти до самого обеда, совпавшего с возвращением в их богоугодное заведение господина Воронина. В этот момент Март окончательно убедился в том, что они оказались в прошлом. Потому что пикап, на котором приехали отец Василий и директор, выглядел, скажем так, весьма древним агрегатом.

– Чада мои, – громко выкрикнул священник, – пособи́те разгрузить продукты.

Надо сказать, что иеромонах отец Василий выглядел в своей кожаной безрукавке поверх подрясника весьма импозантно, чтобы не сказать по-хипстерски. По идее, он должен был замаливать свои никому не ведомые грехи в тиши монастыря, но приходских священников на Дальнем Востоке не хватало, и он нашел свое служение в приюте.

Воспитанники его любили, а потому сразу же откликнулись на зов. Тем паче что, помогая батюшке, всегда можно было рассчитывать на благодарность. Вот и сейчас, стоило им помочь разгрузить несколько мешков с крупами и мукой, а также ящик консервов, как отец Василий вытащил коробку печенья и щедро наделил добровольных помощников вкусняшками. К слову сказать, все тяжелые грузы он перенес сам, а мальчишки только подтаскивали их к борту грузовичка.

– Балуете вы их, отче! – с укоризной заметила тетя Маша.

– Кто же их еще побалуует-то, – вздохнул иеромонах. – Вот вернут меня в обитель, тогда уж...

Что будет тогда, он никогда не говорил, но всем и так было ясно, что никак не менее чем катастрофа.

– Мартемьян, сын мой, поди сюда, – подозвал он одного из своих помощников.

– Да, батюшка, – кротко отозвался парень.

– А где крест? – заметил отсутствие на шее гайтана священник.

– Потерял, – зачем-то соврал Март.

– Нехорошо сие, – нахмурился отец Василий. – Надобно непременно сыскать!

– Найду, батюшка.

– А не найдешь, так приди ко мне, я тебе другой дам, – со значением в голосе добавил поп. – Православный!

Несмотря на то что примирение с древнеправославной церковью состоялось более двадцати лет назад и их кресты с

иконами считались вполне благодатными, священники РПЦ все еще немного подозрительно относились к бывшим раскольникам. Что, впрочем, совершенно не мешало им выступать единым фронтом против местных сектантов и язычников.

– Нет, я свой найду, – непонятно зачем возразил Марик.

– Как знаешь, чадо, – не стал спорить отец Василий.

– Вы что-то хотели, батюшка?

– Охти мне, – хлопнул себя по голове поп, больше напомиравший байкера из оставленного Мартом мира. – Совсем забыл. Письмо тебе пришло, от отца твоего крестного. Где же оно...

– Потеряли?

– Типун тебе на язык, малахольный! Не иначе их благородие Пантелей Митрофанович забрал с прочими бумагами. Ступай к нему, там и получишь эпистолау свою.

– Благословите, батюшка.

– Бог благословит, – перекрестил воспитанника священник.

Кабинет директора располагался на втором этаже жилого здания, рядом с входом на половину девочек. И первым, кого встретил Март, поднявшись наверх по лестнице, была, конечно же, вездесущая Фимка.

– Ты что здесь забыл? – подозрительно посмотрела она на юношу.

– Мне к директору надо, – не стал скрывать тот.

– Ты к Пантелею Митрофановичу, сам? – изумилась де-
вушка.

– Успела настучать? – сообразил Март.

– Вот еще! – фыркнула Фима. – Просто доложила, что вы
с Витькой опять где-то весь день пропадали. А что, я врать
из-за вас должна?

– Прав Виктор, – хмыкнул молодой человек и, как ни в
чем не бывало, прошел мимо старосты школы.

– В чем прав? – удивилась одноклассница.

– В том, что ты, Ефимия, красивая... Но все равно дура!

– Ах ты! – взвилась одновременно польщенная и оскорб-
ленная в лучших чувствах девчонка, но было поздно, ибо
Март уже постучал в обитую коричневой кожей дверь дирек-
тора.

– Кто там? – неожиданно низким голосом отозвался Во-
ронин.

– Это я, – просунул голову Марик.

– Вахрамеев? – изумился чиновник. – Вот уж, право, кого
не ожидал увидеть! Ну, заходи, раз пришел.

– Отец Василий сказал, что мне пришло письмо.

– В самом деле? Хм. Да, кажется, действительно, пришло.
Только я здесь при чем?

– Он сказал, что вы забрали его вместе с другими бума-
гами.

– Сейчас посмотрю. И впрямь, вот оно. Держи.

– Спасибо.

– Не за что. Лучше расскажи мне, зачем вы с Кимом опять шлялись на Байнунгсан?

– Просто гуляли.

Судя по всему, директор ожидал, что воспитанник пойдет в отказ, и готовился уличить его во лжи, а потому несколько растерялся.

– Однако какое странное место для прогулок!

– А где тут еще гулять? – спросил Март, повергнув коллежского асессора в еще большее изумление. – Не в город же сбегать!

– Это и впрямь не стоит делать, – машинально согласился Воронин.

– Пантелей Митрофанович, а могу я получить свой крест?

– Какой еще крест? – насторожился директор.

– Ну тот самый, красного золота... С которым меня привезли в приют.

– Ты что-то путаешь, Вахрамеев! Не было при тебе никакого креста. Да еще червонного.

– Вы его еще в сейф положили, – немного растерялся Марик. – Сказали, на сохранение...

– Ты что же это хочешь сказать, маленький мерзавец, – возмутился чиновник, – что я твой крест украл? Да я, если хочешь знать, тридцать лет верой и правдой служу государю и отечеству, а ты...

Если бы на месте Марта был прежний мальчишка, он, возможно бы, и сдался под напором праведного негодования ди-

ректора, но лучший переговорщик своей компании сразу же заметил, как забегали глаза и непроизвольно дернулась щека кричащего...

– А ведь вы, Пантелей Митрофанович, лжете! – спокойно заявил он директору.

– Что?! Да я тебя в карцер! Нет, ну каков негодяй...

Но взгляд Вениамина уже сконцентрировался на безукоризненно чистом крахмальном воротнике чиновника, и через секунду тот почувствовал, что его жирной шее стало тесно. Сначала Воронин попробовал просто ослабить галстук, но затем, сообразив, что это не помогает, рванул что есть силы.

– Где мой крест? – с могильной невозмутимостью поинтересовался у стремительно синеющего директора Март и немного ослабил хватку.

– Я отдам, – в панике выпалил тот. – Я заплачу! Сколько хочешь заплачу! Только не убивай. Я же не знал, что ты одаренный...

Зрелище взрослого человека, испуганно стелящегося перед подростком, практически мальчишкой, было настолько странным и непривычным, что Вахрамеев совсем прекратил воздействие и отпустил его.

– Фух, – тяжело вздохнул Воронин, потянувшись трясущимися руками к графину с водой. – Ну и напугал же ты меня!

– Вы так и не ответили, Пантелей Митрофанович.

– В лом-м-ба-барде, – стуча зубами о край стекла, ответил ему чиновник.

– И не совестно вам было сироту обкрадывать? Хотя о чем это я?

– Прости, Вахрамеев. Бес попутал! Все грех зеленого сукна проклятый⁸.

– Ломбард в Чемульпо или Сеуле?

– В Чемульпо.

– В сеттльменте?

– Нет. Совсем рядом, но в Чосонской части. Принадлежит господину Хвану.

– Он еще там?

– Не знаю, ей-богу не знаю!

– Надеюсь, квитанция сохранилась?

– Да, – судорожно кивнул директор и принялся рыться в портмоне.

– Большая сумма в залоге? – спросил Март.

– Сто двадцать тысяч вон, – протянул ему бумажку с иероглифами Воронин.

– Это много? – на всякий случай поинтересовался молодой человек, плохо представлявший себе местные цены.

– Достаточно, – печально вздохнул Пантелей Митрофанович. – Примерно сто рублей золотом.

– И у вас, насколько я понимаю, таких денег нет?

---

⁸ Зеленым сукном обивались ломберные и бильярдные столы. То есть директор – игрок.

– Увы!

– А сколько есть?

– Вот... эгхм, пятнад... шестнадцать рублей. С мелочью.

– Давайте сюда, – отобрал у испуганного чиновника деньги Март. – Это будет процентами, а на сумму долга соблаговолите выписать вексель. И ради бога, не говорите мне, что у вас не имеется чековой книжки, а то я совсем разочаруюсь в человеческом роде.

– У меня нет таких средств в Русско-Корейском банке, – сделал последнюю попытку директор.

– Не имеет значения. И еще, Пантелей Митрофанович, потрудитесь выдать мою метрику с аттестатом.

– Но ты еще не сдал выпускной экзамен...

– Так проэкзаменуйте меня сейчас, – с усмешкой предложил, посмотрев ему в глаза, Март.

– Ах да... что это я... Сейчас сделаю.

Директор быстро заполнил бланк, на котором поставил свою подпись и казенную печать.

Март забрал готовые документы, прочел их и убрал в карман. После чего, окинув еще раз директора внимательным взглядом, жестко сказал, вложив и толику силы:

– Если меня будут разыскивать, вы, многоуважаемый господин Воронин, меня не видели! Я, вообще, пропал до вашего возвращения. Это понятно?

– Да! – с готовностью отвечал директор, после чего робко спросил: – А кто вас может искать?

– Это неважно, – хмыкнул Вахрамеев и поспешил выйти из кабинета, пока ему не стало плохо.

Впрочем, несмотря на потраченные усилия, самочувствие молодого человека оставалось нормальным. Более того, появилась даже легкая эйфория от того, что сегодня он едва не придушил взрослого человека, даже не приближаясь к нему.

– Интересно, так и раньше можно было, или это новое умение, связанное с новым миром? – немного растерянно спросил он сам себя.

– Что ты сказал? – с подозрительным видом поинтересовалась выскочившая ниоткуда Фимка.

Ну, конечно, несносная девчонка все это время вертелась рядом, изнывая от любопытства. И вот теперь она любой ценой желала узнать подробности, не останавливаясь даже перед необходимостью общения с оскорбившим ее парнем.

– Не лезла бы ты в это дело, – искренне посоветовал ей Март и направился в дортуар, чтобы собрать вещи.

Собственно говоря, их у него практически не было, если не считать висевшего в кладовой ученического костюма и хороших крепких ботинок, которые воспитанники надевали только по торжественным случаям. Впрочем, туда без разрешения директора никого не пускали. Но не отправляться же в дальний путь хотя бы без сменной рубашки и пары белья? Вот их он и сунул в выдавший виды мешок с лямками, который с незапамятных времен называли на Руси сидором.

– Ты куда собрался? – широко распахнув глаза, спросил

наблюдавший за приготовлениями Витька.

– Прости, я не могу тебе сказать, – вздохнул Мартемьян.

– Такой-то ты друг, – насупился Ким.

– Ты ведь видел, что со мной случилось на скале?

– Да.

– Значит, сам все понимаешь.

Увы, отшить лучшего друга оказалось не так просто. Сообразив, что правды все равно не добьется, он тоже подхватил свой сидор и стал собираться.

– Что это ты делаешь? – нахмурился Март.

– А на что это похоже? – огрызнулся приятель, после чего улыбнулся самой непосредственной улыбкой и, сверкнув зубами, сообщил: – Я иду с тобой?

– С какого перепугу?

– Ты без меня пропадешь!

– Это может быть опасно!

– Пока мы вместе, с нами ничего не случится, – беспечно заявил Витька, после чего добавил уже серьезным тоном: – Ты погоди немного, я сейчас чего-нибудь съестного упрямую.

Предложение звучало вполне здраво. Март ни в прошлой, ни, судя по воспоминаниям Марика Вахрамеева, в этой жизни особой практичностью не отличался, и добытчиком в их маленькой компании всегда был Ким. А в дороге всякое могло случиться, и потому некоторое количество харчей им бы не помешало.

– Давай, – кивнул он. – А я пока к директору за твоими документами сгоняю.

Когда Март повторно появился на пороге начальственного кабинета, Воронин, только накапавший себе немного настойки для успокоения нервов, вздрогнул всем телом. Дальнейший диалог свелся к короткому требованию и быстрому положительному ответу. Так что через пару минут Март стал обладателем еще одного комплекта бумаг, теперь уже на имя Виктора Кима.

Проходить через ворота было чревато встречей с дворником и объяснениями, куда это они такие красивые собрались. Поэтому друзья выскользнули через знакомую им дырку в заборе, после чего направились в сторону станции узкоколейной железной дороги, использовавшейся для доставки различных грузов к порту Чемульпо. Помимо грузовых полувагонов⁹ к составам обычно присоединяли открытые всем ветрам площадки с навесами, на которых добирались на работу местные кули¹⁰. Это, как и многое другое, Марику рассказал его более осведомленный товарищ.

Пользовались столь незамысловатым транспортом в основном, разумеется, местные корейцы, или, как они себя сами называли, чосонцы. Бедно одетые и, по большей части худые мужчины и женщины угрюмо сидели на своих местах, не

---

⁹ *Полувагон* – железнодорожный грузовой вагон без крыши, предназначенный для перевозки грузов, не требующих защиты от осадков.

¹⁰ *Кули* – наемный работник в Юго-Восточной Азии.

обращая никакого внимания на двух мальчишек, пусть даже один из них был русским. Оно и понятно, у всех них были свои дела и заботы, в которые они с Витькой не вписывались.

Маленький, почти игрушечный паровозик, пыхтя и фыркающая, неспешно вез их мимо рисовых полей и маленьких деревенок, пока наконец не доставил к порту. Чуть дальше к нему примыкали иностранные сэттльменты, а между ними и корейскими кварталами располагался ломбард дядюшки Хвана, куда и направлялись наши друзья. Выскочив на перрон, молодые люди собрались уже было продолжить свой путь, но в этот момент небо потемнело, как будто началось затмение солнца. Не ожидавший ничего подобного Март задрал голову, чтобы посмотреть, но тут же застыл с открытым ртом.

Дело в том, что по небу неспешно двигалось какое-то огромное металлическое тело, которое на несколько секунд заслонило собой дневное светило. Это было несколько не похоже на летательные аппараты из оставленного Мартом мира, но вместе с тем вполне реально и, можно даже сказать, осязаемо. Обладавшему острым зрением Вениамину были хорошо видны детали конструкции и торчавшие в разные стороны трубы, не могущие быть не чем иным, как вооружением.

Но что еще более удивительно, никто из местных, включая Кима, не обратил внимания на пролетавшее над ними техническое чудо. Ну летит себе железная хреновина, и пусть ее!

– Это что же, и есть воздушный фрегат? – изумленно спросил Март.

– Да ты что, читать не умеешь?! – с видимым превосходством отозвался Витька. – Бери выше, это «Цесаревич»! Линкор! Флагман Третьего воздушного флота!! Вон, у него же на борту написано.

– Твою ж мать!.. – только и смог выдохнуть от восхищения Вахрамеев, разглядывая золотые буквы на сером фоне.

Столицу королевства Чосон – Сеул – с полным основанием можно было назвать городом контрастов. Там были великолепные дворцы корейского вана и нищие лачуги простых жителей. Вполне европейские здания в стиле модерн соседствовали с буддийскими пагодами и построенными за последние десятилетия православными храмами. Торговые представительства ведущих фирм со всего мира и убогие лавочки местных.

Улицы тоже поражали своим разнообразием. На перекрестке вполне могли встретиться рикши, извозчики и самые современные автомобили. Случались, конечно, и довольно устаревшие самобеглые коляски, на одной из которых к отелю «Империяль» подъехали два почти одинаково одетых господина.

Несмотря на громкое название, «Империяль» был далеко не самой фешенебельной гостиницей, как это можно было подумать, а вполне заурядной забегаловкой, где останавли-

вались заезжие коммерсанты средней руки, не имеющие возможности позволить себе что-то более приличное. Эти двое как раз таки не могли.

– Аньен хасенико¹¹, – поклонился им на входе швейцар в странной смеси европейской и национальной одежды.

Проигнорировав слугу, мужчины двинулись дальше, мечтая как можно скорее оказаться у себя в номере, но не тут-то было.

– Господа Гофман и Цыбинский? – на хорошем русском языке остановил их дежурный портье.

– Как видите, – с недовольным видом отвечал ему один из них. – А в чем, собственно, дело?

– Вас ждут.

– Кто?

– Я вас провожу, – загадочно улыбнулся слуга.

Номер, в котором остановился ожидающий их таинственный незнакомец, находился на верхнем этаже отеля, где располагались номера, имеющие претензию на роскошь. Поднявшись на лифте, они вскоре оказались перед входом.

– Вам сюда, – почтительно пригласил их провожатый, но, как только они прошли, плотно закрыл за ними дверь.

– Что за черт! – дернулся Цыбинский, сообразив, что они остались одни в закрытой комнате, но в этот момент из соседней комнаты практически бесшумно вышла ослепитель-

---

¹¹ Anyoung hashimnikka (кор.) – вежливое приветствие, применяемое для высокопоставленных гостей.

но красивая женщина в строгом английском костюме, выгодно подчеркивающим все достоинства ее фигуры.

– Вы! – изумленно воскликнул поляк, машинально при этом приосанившись. – Право, какой приятный сюрприз видеть вашу милость в этом...

– Вы хотели сказать – клоповнике? – любезно помогла ему дама, улыбнувшись при этом одним уголком красиво очерченных губ.

– Увы, – развел руками Цыбинский, – обстоятельства вынуждают нас довольствоваться малым. Однако, если бы...

– Нельзя ли перейти к делу? – в голосе женщины звякнул металл.

– Как будет угодно, мадам, – вышел вперед Гофман. – Ваше поручение исполнено в точности! Объект ликвидирован, а требуемая вещь доставлена.

– Что ж, прекрасно, – без особого воодушевления в голосе отозвалась таинственная дама. – Покажите энколпион¹².

Цыбинский охотно выудил артефакт из кармана и протянул ей, осторожно держа за обрывки шнурка двумя пальцами.

– Это не тот крест, – покачала головой дама, бегло взглянув на добычу.

– Но, милостивая пани, – обескураженно воскликнул по-

---

¹² *Энколпион* – небольшой ковчежец прямоугольной, округлой или крестообразной формы с изображением Иисуса Христа или святых. Иногда носился вместо нательного креста.

ляк. – Он в точности соответствует данному нам описанию, не говоря уж о том, что висел на шее мальчишки!

– Идиоты, – коротко охарактеризовала женщина умственные способности наемников. – Вы что, не понимаете разницу между крестом и энколпионом?

– Да какая ко всем чертям разница? – сбросил с себя маску учтивого шляхтича Цыбинский. – Это чертов схизматический крест из желтого металла. Что вам еще потребно?!

– Если я не получу реликвию, сделка будет расторгнута!

– Мы так не договаривались! – мрачно возразил Гофман. – Главным было убить щенка, а крест, вы сказали, по возможности.

– Условия изменились.

– Сударыня, вы нас ни с кем не перепутали? – нехорошо прищурился бандит.

– Уж не вздумали ли вы мне угрожать? – с легкой усмешкой спросила женщина, но наткнулась на черный зрачок непонятно откуда появившегося в руках убийцы пистолета.

– Бросьте свои фокусы, мы знаем, с кем имеем дело! – рявкнул он.

– Ну что вы, господа, – вынуждена была пойти на попятный нанимательница. – Я вовсе не имела в виду ничего дурного.

– А мы и не сомневались, – расплылся в улыбке Цыбинский. – Надеюсь, деньги при вас?

– Возьмите, – протянула она с презрительной усмешкой

пачку банкнот.

– Благодарю, – издевательски шаркнул ножкой поляк. – С вами приятно иметь дело.

– Всего доброго, мадам, – не опуская оружия, попятился к выходу Гофман.

– Подождите, – голос женщины дрогнул. – Мне нужен этот энколпион.

– Простите, но мы ничем не можем вам помочь!

– Я заплачу еще столько же.

– Однако... – дернулся Цыбинский и перевел взгляд на своего подельника. – Неплохой куш, если дело выгорит!

– И где прикажешь искать этот проклятый «ковчег завета»? – не согласился немец.

– Если его не было на шее мальчишки, значит, он хранится где-то рядом, – заметила нанимательница.

– Чушь, – не согласился Гофман. – Если эта вещь такая ценная, ее давно могли отобрать у ублюдка, чтобы потом продать.

– Даже если так, что мы теряем? – дрожа от возбуждения, воскликнул Цыбинский.

– Черт с вами, – нехотя кивнул главарь. – Если крест все еще в Чемульпо, мы скоро привезем его вам. Если же нет, то...

– На нет и суда нет, – продолжила дама. – Тогда у меня не будет никаких претензий.

– Договорились!

– Готовьте денежки, прекрасная пани! – изобразил изящный поклон Цыбинский, и оба бандита вышли за дверь.

– Только привезите мне его, – прошипела она им вслед. – И тогда вы получите сполна!

Утро началось для коллежского асессора с того, что он долго трясся на старом пикапе по дрянной дороге из города в приют, продолжилось еще более неприятным разговором с неожиданно обретшим силу воспитанником, а закончилось и вовсе полным крахом. Однако обо всем по порядку.

Пантелею Митрофановичу не часто приходилось видеть одаренных, что, впрочем, его ничуть не тяготило. Их не так много на самом деле: иной человек может всю жизнь прожить, а так и не встретить их. И это с учетом статистики, которая с медицинской точностью утверждает, что в Российской империи людей силы больше половины от общего их числа на Земле.

Согласно циркуляру министерства народного просвещения от 18 июня 1887 года¹³ требовалось при обнаружении у учащихся признаков дара немедленно сообщать вышестоящему начальству с тем, дабы «одаренный» мог продолжить образование в специализированном учебном заведении, после чего непременно поступил на службу и принес тем самым пользу Отечеству

---

¹³ В нашей истории это был печально знаменитый циркуляр о кухаркиных делах.

К слову сказать, за такое радение полагалась немалая награда. Как минимум «Анна на шею», а то и следующий чин. Про прибавку к жалованью, а потом, соответственно, и к пенсиону и говорить нечего...

Эх, такой шанс был... но не докладывать же, в самом деле, начальству, что сдал в ломбард принадлежавшую воспитаннику вещь, а тот, обидевшись, сбежал из заведения? Тут уж не о наградах думать придется, а о том, как службы, а вместе с ней и куска хлеба не лишиться. Оно, конечно, кое-какие сбережения на черный день у Воронина имелись. Но ведь после такого афронта начнут проверять, учинят ревизию, тьфу-тьфу, спаси и сохрани нас Царица Небесная!

Опять же, заложил не что-то, а крест. Вот к бабке не ходи, заинтересуется этим делом духовная консистория¹⁴ и спросит раба Божьего Пантелея, по чьему наущению он духовную реликвию язычникам в заклад отдал и какое богоугодное дело на сии деньги собирался учинить?

– Эх, грехи наши тяжкие...

Последние слова Воронин, сам того не заметив, произнес вслух. После чего, загрузив, нацедил себе рюмку вишневки и погрузился в размышления на любимую каждым русским интеллигентом тему: кто виноват и что делать? От этих благочестивых дум его отвлек осторожный стук.

– Ну кто там еще?! – недовольно воскликнул директор.

---

¹⁴ *Духовная консистория* – орган епархиального управления в дореволюционной РПЦ, находившийся в ведении правящего архиерея.

– Пантелей Митрофанович, – просунула в приоткрытую дверь голову Фимка. – Вас господа спрашивают из адвокатской конторы.

– Какие еще господа?

– Ну те, что вчера про Вахрамеева узнавали. Я вам рассказывала...

– Ах да, – поморщился Воронин, накрывая рюмку и графин салфеткой. – Проси.

Через минуту в кабинет вошли двое в дорожных костюмах и, проводив взглядом страшно не желавшую уходить девушку, плотно прикрыли за собой дверь.

– Мы пришли к вам, господин директор, вот по какому делу, – немного развязно начал благоухающий вежеталем в сочетании с перегаром Цыбинский.

– Слушаю вас, – отвечал хозяин кабинета, жестом пригласив незваных гостей садиться.

– Нам хотелось бы повидать воспитанника Мартемьяна Вахрамеева.

«Рассказать, не рассказать», – лихорадочно думал про себя Воронин, после чего все-таки решил, что расскажет, и не смог открыть рта.

– С вами все в порядке? – проявил беспокойство куда меньше налегавший накануне на спиртное Гофман.

– Благодарю, все хорошо, – сумел наконец вернуть себе дар речи чиновник. – Однако боюсь, что ваше желание неосуществимо. Мартемьян куда-то пропал минувшей но-

чью, и его поиски пока что не увенчались успехом. Но позвольте осведомиться, в чем состоит причина вашего визита?

– Разумеется, – охотно отвечал ему немец, не проявив ни малейшего удивления по поводу исчезновения мальчишки. – Все дело в том, что, возможно, повторяю, только возможно, ваш воспитанник получил небольшое наследство.

– Что значит «возможно»?

– Да то и значит, любезный пан, – пояснил Цыбинский, плотоядно пошевелив ноздрями, – что завещание составлено в пользу Мартемьяна Вахрамеева, но точно не написано, какого именно. Вот мы и должны установить личность наследника.

– Понимаю, – кивнул директор, – хотя ума не приложу, чем вам помочь в подобной ситуации, господа!

– Впрочем, есть одна возможность, – изобразил на лице улыбку Гофман. – Дело в том, что у наследника должна быть при себе некая вещь, по которой его можно опознать. Золотой энколпион в виде креста. Вам известно что-нибудь об этом?

– Нет! – едва не вскрикнул похолодевший внутри Воронин. – Когда мальчик поступил к нам, у него ничего при себе не было!

– Вы верно запомнили, господин коллежский асессор, – нахмурился бандит. – В документах департамента общественного призрения четко прописано – «старообрядческий крест красного металла».

– Не было никакого креста! – замотал головой чиновник, после чего встал, давая понять гостям, что визит окончен. – Прощу извинить меня, господа, очень много дел!

– А ведь ты лжешь, лайдак!¹⁵ – аккуратно взял его двумя пальцами за лацкан вицмундира Цыбинский, и многоопытный директор понял, что его сейчас будут бить.

– Не надо, – испуганно попросил он.

– Куда вы дели энколпион? – спросил Гофман, сделав напарнику знак, чтобы тот не торопился с расправой. – Продали? Проиграли? Заложили?

– Заложил, – признался испуганный Воронин.

– Давно.

– Третьего дня.

– Ничего святого у людей не осталось, – сокрушенно вздохнул Цыбинский, обнаруживший под салфеткой выпивку. – Воруют личные вещи подопечных, пьют в присутственном месте...

Договорив, он лихо опрокинул в себя содержимое рюмки, после чего, пожевав, будто смакуя, вынес вердикт:

– Да еще и такую дрянь!

– Вполне может статься, – не обращая внимания на додрывшегося до спиртного поляка, заметил Гофман, – что требуемая вещь еще на месте. Где квитанция?

– Я о... – директор не смог продолжить и сказал: – Потерял.

---

¹⁵ *Lajdak* – негодяй (польск.).

– Прискорбно. В таком случае вам придется отправиться с нами. Надеюсь, вы не забыли адрес ломбарда?

– Нет, – отчаянно помотал головой труженик на ниве народного просвещения. – То есть да. То есть я помню...

– Прекрасно.

– Но я не могу теперь оставить...

– Скажите, любезный, ваше начальство знает, что вы вооружаете личные вещи воспитанников?

– Я понял вас, господа.

– Прекрасно. И не переживайте так. Мы на авто, так что это не займет много времени.

– А чтобы вам не лезли дурные мысли в голову, – пьяно усмехнулся поляк и откинул полу пиджака, показав рукоять револьвера «бульдог» за поясом, – знайте, что любое неосторожное слово может стоить вам жизни.

– Хорошо, – нервно сглотнул Воронин.

– Прошу, – сделал приглашающий жест Гофман, с досадой посмотрев на сообщника.

Спустившись, они начали занимать места все в том же видавшем виды открытом автомобиле, когда-то носившем гордое имя ландо. Немец устроился за рулем, директора Цыбинский запихнул на второй ряд, собираясь усестись рядом.

– Пантелей Митрофанович, – как обычно некстати возникла рядом с ними Фимка. – Вы разве уезжаете?

– Да, – нехотя буркнул тот. – Срочное дело!

– Как же так, – растерялась девушка. – Вы уезжаете, а Вах-

рамеева с самого утра не видно...

– Погодите-ка, барышня, – обернулся к ней насторожившийся Гофман. – Вы хотите сказать, что утром он еще был?

– Конечно! Он, вправду сказать, вчера весь избитый пришел, так что на ногах еле стоял, но ночевал, как и положено, в дортуаре!

– Вот дура!.. – прикрыв глаза, простонал Воронин.

– Ой, а что это у вас? – заметила револьвер Цыбинского Фимка. – Что здесь происходит?

– Ничего такого, милая пани, – осклабился поляк, после чего резко ударил девушку по голове.

– Какого черта ты творишь?! – не выдержал немец.

– Ты хочешь, чтобы она подняла тревогу? – огрызнулся сообщник, успевший подхватить несчастную Ефимию, прежде чем та упала, укладывая ее на заднее сиденье, рядом с обмершим от страха директором.

– Черт с ней, – вздохнул главарь. – Только прикрой чем-нибудь, пока никто ничего не видел.

– Отъедем подальше и избавимся от тела. – Пьяно махнул рукой Цыбинский.

– Но, позвольте, вы не смеее... – жалко проблеял Воронин и затравленно умолк, встретив равнодушно-мертвый взгляд блеклых глаз поляка. Собрав остатки воли в кулак, Пантелей Митрофанович все же смог выдавить из себя: – Если вы погубите девочку, на мою помощь можете не рассчитывать.

Гофман обернулся к пленнику и успокаивающе произнес:

– Не беспокойтесь, мы просто высадим ее по пути, чтобы она не могла нам помешать...

Нельзя сказать, чтобы такое объяснение немца умиротворяюще подействовало на чиновника, но на большее его уже не хватило. Он прикрыл глаза и без сил откинулся на спинку.

На сей раз несносный механизм завелся мгновенно, и через минуту они выехали с территории приюта, обдав на прощание дворника клубами сиреневого дыма.

– Чтоб вам, вашу мать! – сплюнул от досады старый матрос, раскашлявшись от запаха газа.

В прошлой жизни Марту довелось дважды побывать по делам в Южной Корее, и теперь он тщетно пытался найти в окружавшем его ландшафте хоть что-то знакомое. Увы, нынешний Чемульпо ничем не напоминал будущий пригород Большого Сеула. Все куда скромнее, проще и... никаких высоких технологий!

Единственным признаком цивилизации казалась широкая двухполосная асфальтовая дорога от порта до сеттльмента, вдоль которой они и пошли. Вокруг царил обычная для городов Восточной Азии толчея, сквозь которую, надрывая клаксоны, пытались пробиться редкие автомобили.

Кое-где, прямо на улице, стояли маленькие печи, на которых владельцы готовили нехитрую снедь для толпящихся рядом клиентов. Желаящие подкрепиться платили монетку

в пять вон и получали свою порцию лапши, или, как называли ее корейцы, – рамэна, с острым соусом.

Солнце после относительной утренней прохлады начинало все ощутимее припекать. Март снял фуражку и вытер вспотевший лоб рукавом. И подумал, что следует обзавестись белым чехлом на тулью. А еще лучше подыскать чего-то полегче. К примеру, канотье, панаму или бейсболку.

– Есть охота, – мечтательно прошептал Витька, вдохнув аромат местной кулинарии. – Давай присядем, пожужим. Заодно и тащить меньше придется.

– Потом. Когда с делами раскидаемся.

– Оно, конечно, да...

– Сколько в тебя влезает, растущий организм? Мы же три часа назад плотно позавтракали?!

Несчастному Киму оставалось лишь вздыхать, мечтая, что его непреклонный друг наконец-то сжалится или хотя бы проголодается. Увы! Тот продолжал целеустремленно шагать, не обращая на вкуснейшие запахи и страдающего товарища ни малейшего внимания. Тут как назло развязался шнурок на ботинке, а когда Виктор его завязал, то и не подумавший его дожидаться Вахрамеев ушел так далеко, что его пришлось нагонять бегом.

Охватившее Марта стремление как можно скорее увидеть заветный крестик было так ощутимо, что он не мог и не хотел думать ни о чем ином. Еще не вполне ясный голос интуиции буквально толкал его вперед. Заставлял прибавлять

ходу. А он, давно привыкший доверять «чуйке», и не думал ей возражать и тем более сопротивляться. Так они и допылили до места. Широко шагающий целеустремленный Вахрамеев и несчастный, усталый и проголодавшийся Ким.

«Ломбард господина Хвана», – гласила сразу на русском, корейском и английском широкая вывеска. «Оказывается, я хангыль¹⁶ умею читать», – удивился Март про себя. Приятно обнаружить новые познания, пусть, как тут же выяснилось, довольно поверхностные. Реципиент к своим шестнадцати годам усвоил лишь пару сотен часто встречающихся слов и выражений.

Внутри заведения царили прохлада и тишина. Тяжелые гардины на окнах были опущены, и, несмотря на горевший под потолком явно электрический светильник, в помещении было довольно сумрачно. Вдоль одной из стен были устроены полки, на которых, бросая тусклые блики, стояли бронзовые Будды. Рядом с ними теснились старинные фарфоровые вазы, чугунные и керамические чайники, фигурки драконов из слоновой кости и бог знает что еще. Единственным признаком цивилизации в этой коллекции, способной сделать честь любому музею, оказались парочка патефонов, пишущая машинка «Ундервуд» и мечта любой домохозяйки фирмы «Зингер».

На других стенах висели мечи, сабли, ножи всех видов и форм, кремневые и фитильные мушкеты и другие ста-

---

¹⁶ Хангыль – фонематическое письмо корейского языка.

ринные приспособления для умерщвления себе подобных, по какой-то странной прихоти перемешанные с расписными зонтиками и прочими легкомысленными аксессуарами в восточном стиле.

Посреди помещения, перегораживая его пополам, стояла массивная витрина, где под толстым стеклом были собраны наиболее ценные вещи. Часы самых разнообразных видов и форм: от солидных брегетов до легкомысленных дамских брошек со стрелками. Золотые и серебряные портсигары, закладки для галстуков, запонки и тому подобные мелочи, помогающие создать образ преуспевающего человека. Отдельно лежала ювелирка. Кольца, перстни, серьги, подвески, колые и даже целые гарнитуры. Вот только энколпиона нигде не было видно.

– Молодые господа ищут что-то конкретное? – вежливо поинтересовался молодой кореец, служивший, очевидно, приказчиком.

Несмотря на то что вид у зашедших в ломбард мальчишек был не слишком презентабельным, держался он подчеркнуто вежливо. А значит, заведение здесь достаточно приличное.

– Да, – после недолгой паузы, необходимой для того, чтобы собраться и на полную мощь включить обаяние, ответил ему Март.

– И что же?

– Наш директор оставил здесь небольшую вещицу в залог.

Я хотел бы ее выкупить. Но, к сожалению, ее нигде не видно. Вы ее продали?

– У вас есть квитанция? – вопросом на вопрос ответил клерк.

– Конечно, – кивнул Вахрамеев, доставая из кармана квитанк.

– Все понятно, молодой господин, – сдержанно улыбнулся кореец. – Эта вещь поступила не так давно и еще не выставлена на продажу. Дело в том, что мы даем время нашим уважаемым клиентам выкупить свои вещи обратно. Такова политика нашего ломбарда.

– Замечательно, – кивнул Март. – Могу я удостовериться?

– Разумеется. Соболаговолите немного подождать.

Не прошло и минуты, как в руках приказчика появилась маленькая коробочка из древесины вишневого дерева, открыв которую он показал мальчишкам энколпион. Выглядел он, прямо скажем, не слишком шикарно, но Марика при виде его будто ударило током. Хотелось вырвать его из рук работника ломбарда, чтобы ощутить руками тяжесть, после чего спрятать на теле и больше никогда и никому не отдавать.

– Не так быстро, молодой господин, – защелкнул крышку кореец. – Как вам будет угодно расплатиться?

– Пожалуйста, – протянул ему вексель Март.

– Извините, – с деланным сожалением ответил приказчик, – но в нашем ломбарде... не прин...

Все это время Вахрамеев буквально давил его своим

взглядом – и чем дальше, тем более неуверенной становилась речь приказчика.

– Это мой крест, – негромким голосом, от которого даже у просто стоявшего рядом Витьки по спине разбегались мурашки, прошептал Вахрамеев. – Он должен вернуться к владельцу. Воронин скоро приедет и погасит свой вексель...

По обычно непроницаемому, как у многих азиатов, лицу было видно, что он вот-вот сдастся, но в этот момент в зал буквально влетел сухонький старичок и с размаху отвесил нерадивому служащему сочную оплеуху, а за спиной мальчиков выросли двое крепких мужчин неопределенного возраста.

– Отдайте мне мой крест!! – не обращая внимания на охрану, глухо потребовал Март, с каждым словом усиливая давление.

Взгляд старика, оказавшегося владельцем ломбарда, встретился с глазами мальчишки, и некоторое время между ними шла борьба. Мир привычно преобразился. Появилась объемная картинка со стороны. Вот только теперь в ней добавилось нечто новое. Март видел, как вокруг его фигуры появился прозрачный кокон из непонятной материи или, скорее, энергии, от которого щупальцами в разные стороны исходит сила.

Ее было много, она вырывалась протуберанцами, растекалась повсюду, захватывая все пространство внутри торгового зала, воздействуя на окружающих грубо, прямолинейно

и... неумело. И если одним из них он мог управлять, остальные просто впустую растрачивали его ресурс.

Зато у торговца средоточие силы, находящееся на уровне сердца, смотрелось скорее миниатюрно, этакая светящаяся, но плотная и четко выстроенная под одну-единственную задачу структура, цель которой – защитить хозяина от любого внешнего воздействия. «Я без толку хлещу сырой силой куда попало. Но его мне не продавить. Значит, пока отбой».

Март остановил атаку, признавая поражение, и едва заметно поклонился старику. За науку. И получил такой же еле ощутимый кивок головы, скорее даже, движение глаз.

– Если молодой господин желает получить свою вещь, – словно ничего не произошло, невозмутимо заметил Хван, – ему следует прийти с деньгами. Или прислать человека, у которого они есть!

– Хорошо, – кивнул Март. – В таком случае я не прощаюсь.

– Как вам будет угодно. Не забудьте забрать расписку и вексель.

– Ах да, конечно... – с досадой отрывисто ответил озадаченный неудачной попыткой воздействия юноша.

– И мой вам совет, – чуть покровительственно и снисходительно довершил свою победу хозяин ломбарда, – попробуйте обналичить его в ближайшем отделении Русско-Корейского банка. Ближайший – в паре кварталов в сторону центра. Мимо не пройдете.

– Еще раз спасибо, – окончательно восстановив самоконтроль, куда увереннее ответил Март. – Обязательно так и сделаю.

– Что это было? – бросился расспрашивать его Ким, как только они покинули ломбард. – Я чуть сам у приказчика крест не выхватил, чтобы тебе отдать! Ты что, одаренный? А почему раньше не показывал? Да не молчи же!

– Сам в шоке, – глухо отозвался раздосадованный неудачей приятель.

Он не просто узнал энколпион. Нет, тот манил его, будто живой. Требовал, чтобы хозяин не оставлял его в этой ужасной и тесной коробке, где он не может чувствовать биение сердца своего владельца. Было трудно понять, что это: память тела юного Мартемьяна Вахрамеева или побочный эффект его способностей, но разлука доставляла почти физическую боль.

– Тогда почему они тебе его не отдали? – задал резонный вопрос Ким, похоже, не сомневавшийся в могуществе этих самых «одаренных».

– Сил не хватило.

– Говорил я тебе, надо подкрепиться! – наставительным тоном заметил товарищ. – Поели бы вовремя, тогда бы дело точно выгорело!

– Ладно, пойдем, перекусим, – согласился и впрямь почувствовавший зверский голод Март. – Только давай че-

го-нибудь горячего.

– Точно! – с готовностью согласился Витька. – Тогда к тебе силы сразу вернутся.

Оглядевшись, друзья заметили на углу небольшой навес, под которым расположилась еще одна точка местного общепита, претендующая хоть на какой-то комфорт. Готовили там, в отличие от придорожных забегаловок, внутри дома, а для клиентов были расставлены лавки и столы.

– Что хотите, мальчики? – по-корейски спросила их улыбающаяся женщина в почти чистом переднике, за которым красовалась деревянная рукоять кухонного ножа внушительных размеров.

– У вас есть лапша по-хайфынски, аджума?¹⁷

– Конечно.

– А тофу?

– Для вас все найдется.

– И большой чайник Нок-чха¹⁸.

– А сладкие булочки? – лукаво улыбнулась владелица.

– О! – простонал едва не подавившийся слюной Витька и умоляюще посмотрел на своего друга.

– И сладкие булочки, – обреченно согласился Март.

Если обычная порция лапши в придорожной забегаловке стоила всего пять вон, то здесь этот праздник чревоугодия

---

¹⁷ *Аджума* – уважительное обращение к женщине пожилого или среднего возраста.

¹⁸ *Нок-чха* – сорт корейского зеленого чая.

обошелся в целых сто двадцать. На эту сумму средняя корейская семья могла сытно питаться пару дней, да еще бы и за ночлежку заплатить осталось, но, видит Бог и все даосские духи, угощение оказалось очень вкусным! К тому же на русские деньги вышло всего 12 копеек.

В отличие от быстро похватывшего еду Вахрамеева, Ким наслаждался каждым кусочком ниспосланной ему пищи. Ловко подхватывая палочками кусочек рамэна, он тщательно макал его в соус, чтобы тут же отправить в рот и пережевывать с блаженной улыбкой. Затем пришла очередь соевого сыра, очень сочного и свежего, а после него маленьких, будто пампушки, булочек с медом, которые он запивал сладким чаем и довольно шурился.

– Вкусно, – со вздохом сообщил он давно поевшему товарищу, с явным сожалением отодвинув от себя чашку.

– Приятного аппетита, – напряженно ответил ему Март, не сводя глаз с ломбарда.

– Что там еще? – поинтересовался Витька.

– Тебе эти люди никого не напоминают? – вопросом на вопрос ответил ему приятель.

От увиденной картины лениво обернувшийся Ким едва не сверзился с лавки.

– Да это же те самые! Которые... и господин директор с ними! Что они там делают?

– То же, что и мы, – хмыкнул Март. – Только у них есть деньги.

– Бежим!

– Я без своего креста никуда не уйду, – мрачно покачал головой Вахрамеев.

– Что-нибудь еще, мальчики? – снова появилась рядом с ними улыбающаяся владелица точки общепита.

– Нет, аджума, мы уже уходим, – ответил ей Март, протягивая двугривенный¹⁹.

– Сейчас я принесу сдачу, – поклонилась женщина.

– Не надо, – остановил ее юноша. – Лучше дайте мне свой нож.

– Зачем он вам? – удивилась та, протянув клинок рукоятью вперед.

– Мне нужно кое-что отрезать, – обезоруживающе улыбнулся Марик, пробуя ногтем заточку лезвия. – Кажется, он у вас достаточно острый?

Ломбард достался господину Хвану от отца, а тому от его отца и так далее, со времен основания королевства Чосон. Пусть называлось это тогда немного иначе, суть от этого не менялась. Дешево купить, пользуясь тяжелым положением клиента, чтобы потом выгодно продать. Кто только не пользовался услугами старого корейца. Важные чиновники и бандиты, обедневшие аристократы и иностранные офицеры.

Приходилось слышать и мольбы, и угрозы, а иной раз и переживать нападения. Бывало, он уступал грубой силе или

---

¹⁹ *Двугривенный* – монета достоинством двадцать копеек.

власти, но, благодаря высоким покровителям, чаще умел отбиться. А вот сегодня все могло кончиться плачевно...

– Дядюшка, зачем вы унизили меня при клиентах? – обиженно пробубнил племянник Чон.

Взятый когда-то из милости мальчишка прижился и уже наверняка представлял себя на месте главы семейного дела, ведь у старика Хвана не было наследников. Но как можно оставить ломбард такому идиоту?

– А что, надо было ждать, пока ты отдашь залог даром? – высоко поднял брови хозяин.

– Но ведь сопляк принес вексель, – не очень уверено возразил приказчик.

– Бьюсь об заклад, на его счету нет таких денег, – отмахнулся дядя, рассматривая странный русский амулет.

Вроде бы ничего такого в нем нет, просто изображение русского бога на складывающемся кресте, но что-то в нем все-таки есть. Недаром ведь за ним пришел одаренный? И если бы не оберег, висевший на груди старого ростовщика, он ничего бы не понял, а тоже подчинился этой страшной силе...

Пока он так раздумывал, в ломбарде появились новые посетители, среди которых Хван не без удивления признал господина Воронина, совсем недавно и принесшего тот самый крест. Вместе с ним явились какие-то мутные типы, от которых за версту разило опасностью. Но старый торговец, почуввав солидный прибыль, готов был рискнуть. Но все же сде-

лал незаметный знак охранникам, чтобы были настороже.

– Здравствуйте, любезный, – явно нервничая, начал коллежский асессор. – Я желал бы выкупить свой заклад.

– Как вам будет угодно, – поклонился хозяин, незаметным движением отправив шкатулку с энколпионом в карман. – Соблаговолите предъявить квитанцию.

– А без этого нельзя?

– Сожалею, но порядок есть порядок, – развел руками Хван, державший в руках эту самую квитанцию не далее чем четверть часа назад и потому уверенно ведший свою игру.

– Видите ли, – помялся Пантелей Митрофанович, – к несчастью, я некоторым образом утерял расписку, а потому хотел бы как можно скорее вернуть свою вещь, пока ей не воспользовался кто-нибудь другой.

– Боюсь, в таком случае мне будет трудно вам помочь.

– Вы что же, мне не верите? – с видом оскорбленной невинности воскликнул Воронин. – Я требую, вы слышите, требую, чтобы мне вернули мою собственность!

– Нет ничего проще, почтенный господин. Просто, если у вас нет бумаги с моей печатью и подписью, вам придется заплатить не залоговую, а полную стоимость.

– Сколько? – глухо спросил Гофман, которому до смерти надоели все эти словесные кружева.

– Шестьсот тысяч вон.

– Вы, верно, шутите! – задохнулся от непомерности суммы директор приюта.

– Сколько это в нормальных деньгах? – переглянулись между собой бандиты.

– Пятьсот рублей золотом, – любезно отозвался Хван. – С вашего позволения, почтенные господа, я никогда не шучу на подобные темы.

– Кажется, эта желтомордая обезьяна над нами издевается! – злобно ощерился Цыбинский, но ничего не предпринял, потому что за спиной возмущавшихся клиентов как по мановению волшебной палочки возникли охранники.

– У меня нет таких денег, – понурившись, сообщил Пантелей Митрофанович.

– Что значит нет?! – воскликнул поляк.

– Черт с вами, мы заплатим, – поспешил вмешаться, пока скандал не превратился в нечто непоправимое, Гофман. – Несите товар!

– У вас есть вся сумма? – на всякий случай осведомился кореец.

– Конечно, – криво усмехнулся главарь и, сунув руку за пазуху, показал пачку банкнот, полученных накануне от заказчика.

Этого Хван не ожидал. Старик был уверен, что цена покажется им непомерной, и они откажутся, но деньги нашлись. Значит, делать нечего, артефакт придется отдать.

– За эту финтифлюшку пятьдесят империялов! – сплюнул с досады Цыбинский.

– Сделка есть сделка, – невозмутимо отозвался немец

и, демонстративно плюнув на пальцы, принялся отчитывать купюры.

Делал он это очень медленно, иногда сбиваясь и начиная заново, пока полностью не завладел вниманием всех присутствующих. Закончив, выложил на стол получившуюся стопку кредитных билетов разного достоинства и сунул оставшуюся часть обратно за пазуху.

– Соблаговолите пересчитать, – заявил он немного расслабившемуся хозяину, незаметно нащупывая рукоять лежащего в плечевой кобуре револьвера.

– Сию секунду, – с дежурной улыбкой потянулся к деньгам племянник господина Хвана.

В этот момент началась пальба. Главарь бандитов не стал вынимать свое оружие, а выстрелил в стоящих за его спиной охранников прямо через пиджак. Его сообщник тоже не терял времени даром. Выхватив свой «бульдог», он выпустил пару пуль в приказчика и его дядю.

Все это заняло какие-то мгновения. Вроде бы только что Гофман отчитывал купюры, а теперь на полу ломбарда валяются четверо корейцев, а в воздухе остро пахнет сгоревшим порохом.

– Господи Иисусе, – успел пробормотать Воронин, прежде чем в него выстрелил Цыбинский.

– Я уже стал беспокоиться, что ты и впрямь заплатишь этой старой обезьяне, – нервно хохотнул поляк, убедившись, что директор приюта уже покинул этот бренный мир.

– Я еще не выжил из ума, – хладнокровно ответил ему Гофман, легко, словно всю жизнь этим занимался, перескочив через прилавок.

– Кажется, тут еще есть чем поживиться, – обратил внимание на витрину сообщник.

– Мало времени, – отмахнулся немец, обшаривая тело хозяина заведения в поисках шкатулки.

– Черта с два я уйду отсюда с пустыми руками, – не согласился Цыбинский и, разбив ударом рукояти «бульдога» стекло, принялся собирать лежавшие там ювелирные изделия.

За этим занятием его и застала смерть.

Убедившись, что стрельба внутри ломбарда стихла, Март уже привычно вошел в измененное состояние и мысленно осмотрел место трагедии. Четыре трупа, один раненый и двое бандитов, занятых сбором добычи. Неслышно проскользнув внутрь, он не стал никого давить силой, сосредоточившись на том, чтобы скрыть собственное передвижение. Добравшись до увлекшегося грабежом Цыбинского, он, недолго думая, вогнал ему под лопатку одолженный в кафешке нож и тут же мысленно перекрыл дыхание.

Не ожидавший подобной подлости поляк несколько раз дернулся, но ни стон, ни хрип не смогли вырваться из его парализованного горла, и он медленно опустился на засыпанный стеклянным крошевом пол.

– Вот она! – орадованно воскликнул, найдя шкатулку с

энколпионом, Гофман, после чего рывкнул сообщнику: – Поторапливайся, пока здесь не собралась вся местная полиция! Да где ты, черт тебя подери?

– Здесь я, – ломающимся от волнения голосом ответил ему Март, завладевший револьвером бандита, и спустил курок.

Короткоствольный «бульдог» оказался тяжеловат для мальчишеской руки, но на таком ничтожном расстоянии промахнуться Вахрамеев не смог и вогнал в грудь главаря одну за другой три оставшиеся в барабане пули.

В другое время убийство себе подобного, вероятно, могло вызвать шок у юноши. Да и Мартов в своей прошлой жизни вовсе не был душегубом. Но теперь, чувствуя зов артефакта, он почти не обратил на трупы ни малейшего внимания. Пусть они и образовались при его участии. Отбросив разряженный револьвер, он перебрался через прилавок и, буквально выдрав из холодеющих рук Гофмана шкатулку, схватил энколпион.

Стоило кресту прикоснуться к коже молодого человека, как по его телу прошла дрожь, глаза широко распахнулись, дыхание стало прерывистым, словно не хватало воздуха, а сердце забилося так сильно, будто хотело выпрыгнуть из груди. Впрочем, продлилось это состояние недолго, и быстро пришедший в норму Март еще раз оглядел место побоища.

– Теперь я вижу, что это ваш крест, – слабым голосом прошептал оказавшийся еще живым Хван.

– Что с вами? – подскочил к нему парень.

– Не беспокойтесь, – неожиданно хихикнул старик. – Пуля этого мичиннома²⁰ ударила в мой талисман. Так что можете без опаски забрать свою вещь. Теперь я не смогу противостоять вашей мощи.

– Поберегите силы, – помог приподняться хозяину ломбарда Вахрамеев. – Может быть, стоит вызвать врача?

– Когда будете уходить, нажмите вон ту кнопку под витриной. В полицейском участке получат сигнал и кого-нибудь пришлют.

– Простите, господин Хван, но мне не хотелось бы фигурировать в их отчете о произошедших здесь событиях.

– Вы можете на меня рассчитывать, молодой господин. Клянусь, я не стану ничего говорить о вашем участии в этом деле.

– Благодарю, – кивнул Март, после чего, деловито обшарив обоих грабителей, забрал их деньги, не тронув только оружие и документы.

Затем, отсчитав сто рублей, вернул хозяину залог.

– Кажется, мы в расчете?

– А вы далеко пойдете, – слабо улыбнулся ему на прощание ростовщик.

Первым, что увидел, выходя из ломбарда Март, было перекоренное от ужаса лицо Витьки, крепко сжимавшего в ру-

---

²⁰ Мичинном – сумасшедший ублюдок (кор.).

ке обломок кирпича. Судя по всему, верный друг собирался броситься ему на помощь, но, к счастью, не успел.

– Слава богу, ты жив! – облегченно выдохнул он. – Что там такое случилось?

– Ничего особенного, – пожал плечами Вахрамеев, – просто нам нужно как можно скорее убраться отсюда.

– Бежим! – с готовностью согласился Ким.

– Ну, зачем же ноги бить, – непонятно отозвался Марик, обратив внимание на автомобиль преступников. – Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Замучившись с капризным пуском, грабители просто не стали его глушить и он все еще урчал, время от времени стреляя и выбрасывая в воздух клубы вонючего сизого дыма.

Если бы не это обстоятельство, Март и не подумал бы связываться с незнакомой конструкцией самобеглой повозки, но будучи в прошлой жизни инженером, он решил, что разберется.

Устроившись на сиденье, парень выжал педаль сцепления и вопросительно посмотрел на совершенно обалдевшего приятеля.

– Ты едешь?

– А ты умеешь этим управлять?

– Не боги горшки обжигают, – хмыкнул Вахрамеев и дернул за один из рычагов.

На самом деле это оказалась вторая передача, но предвидевший нечто подобное Марик успел газануть, и взревевшее,

как раненый слон, чудо техники рвануло с места в карьер.

В прошлой жизни Вениамину Мартову приходилось бывать в разных ситуациях, от которых потом пробирав мороз по коже и дрожали колени, но ни одна из них не могла сравниться с этой бешеной поездкой на незнакомом автомобиле. Что было тому виной: архаичная конструкция или крайняя изношенность, – Март так и не понял, но впечатлений набрался, как будто поучаствовал в гонках «Формулы-1».

Во-первых, у рулевого механизма был такой люфт, что приходилось постоянно ворочать баранкой, чтобы клятый драндулет не закончил путь в канаве или, упаси господи, никого не сбил. Во-вторых, подрулевые переключатели, принятые им по простоте душевной за поворотники, как оказалось, отвечали за угол опережения зажигания и ручной газ. Хорошо, что упрямый агрегат ухитрился не заглохнуть до той поры, пока они не покинули город, оказавшись неподалеку от развилки дорог, ведущих в столицу королевства и их богоспасаемый приют. После этого двигатель зачихал и скоро окончательно замолк.

– Фух, – вытер грязный от пота и дорожной пыли лоб Март. – Кажется, приехали!

Ответом ему был совершенно обалдевший от счастья взгляд Витьки. Дело в том, что Ким путешествовал на автомобиле ровно второй раз в жизни, и ему эта бешеная гонка невообразимо понравилась.

– Мы ехали тридцать верст в час! – счастливо выдохнул

он.

– Да уж, летели! – хмыкнул в ответ приятель. – Вот только дальше придется пешком или на попутках.

Говоря это, Вахрамеев одновременно озаботился главным. Вынул из кармана крест и, продев сквозь ушко крепкий шнурок, надел себе на шею. Сразу стало хорошо, словно он сделал нечто правильное и нужное.

– А что случилось? – поинтересовался вернувшийся в реальность друг.

– Фиг его знает, – пожал плечами Вахрамеев, заглядывая в широкую горловину бака. – Похоже, бензин кончился.

– Жаль...

– Черт с ним. Главное, что от ломбарда вовремя убрались. Давай посмотрим, может, тут есть что-нибудь стоящее, и рвем когти.

– Чего рвем? – раззявил рот от удивления прежде не слышавший подобного жаргона Ким.

– Не бери в голову, – отмахнулся внезапно повзрослевший товарищ и принялся за осмотр салона автомобиля.

Судя по всему, до создания перчаточного ящика, именуемого в просторечии «бардачком», производители самобеглых экипажей еще не додумались. Однако на заднем сиденье нашлись два саквояжа, которые Март тут же и обыскал.

Первый из них явно принадлежал выпивохе и ценителю женской красоты, чтобы не сказать – бабнику. На увлечение алкоголем указывали небольшая серебряная фляжка с

неприкосновенным запасом коньяка на опохмел, складной металлический стакан, штопор и открывашка. А на повышенный интерес к слабому полу – роскошный набор порнографических открыток разной степени потрепанности, две колоды карт и несколько пачек предохранительных средств, обязательных к применению кобелирующими личностями, минимально озабоченными собственным здоровьем.

– Кон-дом, – по слогам прочитал на одной из них Ким, после чего недоуменно спросил: – А что это?

– Я тебе потом объясню, – отозвался приятель, продолжая осмотр.

Впрочем, больше ничего интересного в саквояже не оказалось. Так, пара не особо свежего белья, складной охотничий нож с экстрактором гильз, несессер с мыльно-рыльными принадлежностями и пачка патронов.

Зато во втором саквояже нашлась папка из плотного картона, в которой оказался договор на аренду транспортного средства марки «Форд» неким подданным Российской империи Николаем Гофманом. Кроме документов и еще одного набора с бритвой, помазком и прочим, нашлась также жестяная коробка со шприцем и какими-то непонятными медикаментами. Вполне приличный швейцарский мультитул армейского образца и связка самых настоящих отмычек дополнили общую картину. А на самом дне, под парой на этот раз чистого белья хранился компактный вороненый пистолет в кобуре из мягкой замши. Вытащив оружие, Март нашел на

щечках рукояти буквы «FN» и пришел к выводу, что это браунинг.

– Уже хорошо, – пробормотал он себе под нос, осматривая «машинку», – А то уж думал: тут одно старье барабанное...

– Дай подержать! – прошептал Витька, зачарованный видом оружия.

– Только осторожнее, – предупредил приятеля Вахрамеев, машинально вытащив обойму и щелкнув затвором, чтобы убедиться, что в патроннике нет патрона.

То, что его лучший друг знает, как обращаться с пистолетом, поразило Кима едва ли не больше, чем умение водить автомобиль. Приняв дрожащими руками смертоносный механизм, он долго любовался его лаконично-грозными и продуманными формами, испытывая при этом искренний детский восторг. Март тем временем продолжил осмотр и обнаружил-таки запасную обойму. Что характерно, на кобуре не было для нее кармашка, но имелось крепление для поясного ремня. Очевидно, тот, кто заказывал аксессуар, решил, что с ним будет не так удобно, а если для решения проблемы не хватит восьми патронов, то и остальные не помогут.

– Дыщ-дыщ! – изобразил звук выстрела расплывшийся в совершенно идиотской улыбке Ким, после чего не без сожаления вернул игрушку товарищу.

– Интересно, – задумался Вахрамеев, так же машинально вернув обойму на место и пряча пистолет за пазухой, – а почему их баулы лежат на заднем сиденье?

– А где им еще лежать? – удивился Виктор.

– Ну вообще-то есть багажник, – пожал плечами приятель и направился к кормовой части автомобиля.

Строго говоря, багажником это приспособление или, скорее, архитектурное излишество, назвать было затруднительно. Больше всего оно напоминало сундук, зачем-то прицепленный позади экипажа.

Немного повозившись, Март сумел справиться с хитровыдуманным замком и отщелкнул тяжелую, как все грехи мира, крышку, но только для того, чтобы тут же опустить ее в состоянии крайнего обалдения.

– Кто это там? – округлил глаза его самозванный Санчо Панса.

– Помоги лучше, – огрызнулся друг, после чего они вместе вытащили наружу непонятно как оказавшуюся в машине Фимку и положили ее на задний диван.

– Она не умерла? – испуганно спросил Витька, наблюдая, как приятель расстегнул на девушке ворот кофточки и закатал рукава, после чего приложил ухо к груди.

– Тише ты! – цыкнул на него тот и продолжил свое дело.

– Ну как?

– Сердцебиение есть, – коротко ответил Марик, – следов инъекций нет.

– Что это значит?

– Что ей не вкололи никакой гадости. Значит, она скоро должна прийти в себя.

– Ефимия, очнись! – умоляюще прошептал Ким и осторожно похлопал по бледным щечкам девушки.

Убедившись, что эти робкие попытки реанимации ни к чему не привели, деятельный сын русского и корейского народов снова повернулся к приятелю.

– И что теперь делать?

– Ничего. Ждать, пока очнется.

– Вообще ничего нельзя сделать? – В раскосых глазах Виктора плеснулось такое отчаяние, что Март устыдился собственного спокойствия.

– Не волнуйся так, – попытался он ободрить товарища, но тот его не услышал.

– Послушай, – лихорадочно блестя глазами, взмолился Ким. – Ты же одаренный, а значит, можешь лечить!

– В смысле?

– Ну, пожалуйста! Не дай ей умереть! – И зачем-то добавил, словно это был весомый аргумент: – Ведь она такая красивая!

– Значит так! – решительно возразил Вахрамеев. – Я не врач и не, мать его, экстрасенс, и что нужно делать, чтобы лечить, не знаю! Мало ли что может случиться, а вдруг она память потеряет или, хуже того, умрет! Ты этого хочешь?!

– Нет, – шмыгнув носом, угрюмо отвечал Витька и в расстроенных чувствах присел рядом с одноклассницей на диван.

– Не лезь! – буркнула та и попыталась спихнуть его своей

крепкой ножкой.

– Ой! – подскочил как ужаленный Ким. – Она, кажется, очнулась!

– Аллилуйя, – без особого энтузиазма отозвался друг.

Судя по всему, к Ефимии и впрямь вернулось сознание, а вместе с ним подозрительность и склочный характер.

– Как я здесь оказалась? – начала расспрашивать она, попутно ощупывая свою одежду – И почему у меня кофточка расстегнута? Вы что со мной собирались сделать? Ну-ка отвечайте!!

Выкрикивая все это, девушка постепенно распяляла себя, что совершенно не мешало ей торопливо застегивать крючки на одежде. Закончив с гардеробом, она выскочила из автомобиля, явно планируя перейти от недоуменных вопросов к расправе.

– Стоп! – встал на ее пути Март, одновременно постаравшись осторожно, даже бережно, ментально успокоить Фимку.

– Мы нашли тебя в автомобиле бандитов, – размеренно и негромко принялся объяснять он взбудораженной девице. – Как ты там оказалась, не знаем. Ты сама вообще что-нибудь помнишь?

– Нет, – растерянно помотала головой староста класса, как будто наткнувшись на невидимую стену.

– Что, со всем ничего?

– Пантелей Митрофанович собрался куда-то уезжать, –

медленно начала припоминать девушка. – Я спросила куда, а этот... страшный человек... у него был револьвер!

– И что?

– Он меня ударил!

– А что было потом?

– Второй хотел меня убить, но господин директор заступился, и они его побили.

– Вот даже как, – удивился Март, никак не ожидавший подобной самоотверженности от Воронина.

– Тогда первый бандит, он еще так странно пришепetyвал при разговоре, предложил продать меня..

– Куда? – подался всем телом вперед Ким.

– А что такое бордель? – неожиданно спросила девушка и прикусила губу, будто силилась вспомнить.

– Это сейчас неважно, – с непроницаемым видом ответил Март. – Продолжай.

– А потом он мне какую-то тряпку под нос сунул и... и с тех пор я ничего не помню.

– Понятно. Значит, в одном из флаконов эфир или хлороформ.

– В каких флаконах? – подозрительно прищурилась начавшая понимать, что с ней произошло, Фимка. – И вообще, где Пантелей Митрофанович?

– Нашего директора убили бандиты. И с тобой было бы то же самое, если не хуже.

– Март с ними разделался, а потом мы их машину угна-

ли! – выпалил, делая круглые глаза, Витька.

– Ой! – испуганно вскрикнула девушка. – А вы мне не врете?

В ответ на этот совершенно логичный с женской точки зрения вопрос Март лишь закатил глаза и отошел в сторону, уступив влюбленному Витьке возможность успокоить взбудораженную недавними происшествиями даму сердца. А сам занялся сортировкой доставшихся от киллеров вещей, отбирая полезные и укладывая их в вещмешок.

Узнать, чем увенчались бы усилия Кима, им не удалось, поскольку рядом неожиданно появилось новое действующее лицо. То есть отец Василий на приютском пикапе. Заметив одиноко стоящий у обочины «Форд», рядом с которым терлись его ученики, батюшка, недолго думая, притормозил.

– Вот они где! – строго насупив брови, начал он. – У нас невесть что учинилось, а вы куда-то ушились и не пойми чего вытворяете.

– Здравствуйте, – как обычно некстати, высунулась со своего сиденья Фимка.

– И ты здесь?! – изумленно обвел всех присутствующих глазами священник, после чего его мысли потекли по накатанной колее.

– Сбежали! – укоризненно воскликнул он, заметив потрепанный вид девушки. – Поди, еще и прелюбодействовали, окаянные!

– Что вы, батюшка! – хором возмутились обвиняемые.

– Не лгите отцу своему духовному, грех это! Вот я Пантелею Митрофановичу доложу про ваши художества!

– Убили Воронина, – мрачно ответил возмущенному священнику Март.

– Как?! – ахнул не ожидавший подобного поворота событий отец Василий, после чего еще раз обвел глазами учеников, будто видел их впервые, и продолжил уже совсем другим тоном: – Ну-ка, чада мои, расскажите-ка мне все с самого начала.

Делать было нечего, и молодые люди поведали все своему духовнику. То есть говорил в основном Мартемьян, Виктор иногда поддакивал, а на долю рабы Божией Ефимии доставалось ахать и жадно слушать подробности произошедшего. Формулировал Вахрамеев предельно кратко:

– Приехали в Чемульпо. Нашли ломбард, куда пан директор, – не удержался он от понятной только ему подколки, – мой крест сбагрил. Зашли туда, показали квитанцию. Убедились, что вещь на месте. Только хозяин нас послал вместе с векселем. Делать нечего. Сели на улице заесть неприятность.

– А тут эти бандиты на машине с Пантелеймоном Митрофанычем подкатили и внутрь прямиком зашли, даже мотор не глушили! А потом Март ножик у торговки взял и за ними следом. А мне сказал: «Сиди, не дергайся». Я и встать со стула не смог, словно приморозило! – Витька перевел взгляд на друга, передавая эстафету повествования.

Мартемьян пожал плечами:

– Началась пальба. Эти двое всех положили. А потом я их.

– Как же ты сумел? – ахнул священник, испытующе глядя на глазастого тонкого шестнадцатилетнего подростка.

– Они стали лавку грабить. Отвлеклись. Ну и головы им задурил малость. А так ничего, ловкие черти.

– Не чертыхайся, – привычно одернул отец Василий.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласился Март.

– Вот значит как, – вздохнул священник, выслушав импровизированную исповедь. – Лихо вам пришлось. Однако чем это ты им «голова дурил»?

– Силой, святой отец, – без тени эмоций спокойно ответил новоявленный одаренный.

– Поня-я-тно, – задумчиво протянул отец Василий. – Вот оно значит как... Одаренный в нашем приюте вырос, а мы ни сном ни духом... охти ж мне...

– Но теперь-то с нами все будет хорошо?.. – с надеждой в голосе спросила Фимка.

– С тобой-то, конечно, – отозвался батюшка. – А вот...

– Отец Василий, – перебил Март пространные рассуждения иеромонаха, – мы что, так и будем стоять посреди дороги, как три тополя на Плющихе?

К чести священника надо сказать, что соображал тот всегда быстро.

– А что ты предлагаешь?

– Садимся в пикап и валим в сторону приюта, пока ветер без сучков. По пути еще успеем поговорить. А сейчас надо

отсюда убираться поскорее. Я в поселке появляться не стану, сойду раньше. А Фимку вы, батюшка, лучше отправьте от греха куда подальше на время. Если приедут сыщики, а без них, помяните мое слово, не обойдется, то ее не найдут, значит, она и проболтаться не сможет.

Девочка только фыркнула возмущенно, ничего не возражив. Свои сидоры они закинули в кузов пикапа. В последний момент Витька, хлопнув себя по лбу, подскочил к «форду» и сдернул с заднего сиденья плотный плед, которым могли укрываться в пути пассажиры ландо. Свернул и запихал к себе в мешок, который сразу раздулся до солидных размеров.

– Пригодится! Чего оставлять? – пояснил он свои действия, первым забираясь в кабину.

Они быстро загрузились в автомобиль, на широком диване хватило места не только для священника, но и для всей троицы худосочных подростков. Март уселся с краю, у двери, чтобы при всяком варианте иметь возможность действовать. Заорвав мотором, машина медленно тронулась с места.

– Витю тоже укрыть надобно? – задал очередной вопрос священник.

– Я Марта не брошу! – решительно заявил Ким. – И вообще, он теперь одаренный. Ему все дороги открыты.

– Это верно, – хмыкнул отец Василий. – И его на всех этих путях добрые люди с револьверами ждать будут. Ты хоть понимаешь, как опасно даже просто рядом с ним находиться,

отрок неразумный?

– Он же их убил? – удивилось чистое помыслами дитя русско-корейской любви.

– Верно. А вот те, кто их послал, остались, – спокойно, как о чем-то обыденном, заметил Вахрамеев.

– Все равно, – уперто возразил Виктор. – Я с тобой пойду!

– И разговоров быть не может, ты, чадо, вместе со мной поедешь в приют! – строго и весомо заявил священник.

– Вы, батюшка, зря на Витю давите, с вами его оставлять никак нельзя. Подыщу безопасное место и там устрою. В приюте он первый кандидат на потрошение. В смысле на допрос с пристрастием...

– Почему?!

– Это очевидно, – терпеливо пояснил он. – Если за мной наемных убийц послали, значит, кому-то я очень мешаю. Большие деньги не платят за безымянных сирот...

– Глубоко и несуетно мыслишь, по-взрослому, – отец Василий бросил на Марта задумчиво-удивленный взгляд. – Прежде я в тебе такой разумности не замечал.

– Сила дает знание, батюшка, – спокойно ответил Вахрамеев.

– Тут ничего не скажу Сам я неодаренный. И что вы там видите и думаете, не ведаю. Припомни-ка, Мартемьян, документов от злодеев никаких не осталось?

– Договор на аренду «форда», – четко ответил Март.

– А с убиенных тобой ничего не взял? – спросил поп. –

Ни оружия, ни бумажников?

– Нет, – помотал головой парень, не став на всякий случай упоминать про браунинг. – Только деньги.

– Много ли?

– Не считал, батюшка. Но пачка большая.

– Значит, на первое время хватит, – удовлетворенно кивнул иеромонах. – Поехать-то есть куда?

– Разберусь. Вы уж простите, но и вам лучше ничего не знать.

– Тоже верно. Многие знания – многие печали. У вас самих хоть какие-то документы имеются?

– Метрики и аттестаты нам Воронин выдал.

– С чего это он так расщедрился... А, понимаю. Ты же нынче одаренным стал... Покажи-ка мне бумаги.

Друзья продемонстрировали заверенные подписью директора и печатью бланки.

– Ну, так я и думал, – покачал головой, окинув бумаги беглым взглядом, отец Василий. – Они же не действительные!

– Как это?

– Нужны подписи других учителей, а на метрике – священника, то есть моя, раба Божьего Василия. Ну, это не страшно. Сейчас встанем вон у того лесочка, и я подпишу всё. Будет полный порядок.

– Спасибо, отче.

– Это что... – лишь отмахнулся священник, сворачивая с грунтовки на небольшую петляющую среди деревьев колею.

Отъехав еще на пару сотен метров от трассы, поп остановил пикап и заглушил двигатель. Внезапная тишина обрушилась на друзей. В ней сразу стали слышны голоса птиц, шелест листвы под порывами ветра.

– Вот здесь, чада мои, и расстанемся, – решительно заявил батюшка. – Долго ли коротко наша разлука продлится, одному Господу ведомо.

– А почему здесь? – немного испуганно спросила Фимка.

– Надо так, – тишком шепнул ей на ушко Витька, всю дорогу радовавшийся, что сидит с ней рядом.

– Дозволь на крест посмотреть, – попросил вышедший тем временем из-за руля отец Василий. – Да ты не опасайся, не отниму, чай не Воронин...

И все же Мартемьян не стал передавать распятие в чужие руки, просто вынул из-под рубахи и показал.

– Любопытно. А ведомо ли тебе, отрок, что сие не просто крест, а энколпион, что означает – ковчежец? Ну-ка, попробуй его открыть.

Март некоторое время то так, то эдак рассматривал чудесный артефакт, но так и не отыскал тайной задвижки или кнопки. Сосредоточившись, он посмотрел на предмет в своих руках с помощью силы. И сразу возникла яркая точка, одного прикосновения к которой оказалось достаточно, чтобы створки раскрылись.

– Квот эрот демонстрантум²¹, как говорили древние лати-

---

²¹ Quod erat demonstrandum (лат.) – что и требовалось доказать.

няне, – кивнул священник.

– Что это? – ахнул Март, как зачарованный глядя на три переливающихся драгоценных камня, вмурованных в пластину из червонного золота.

– Это, чада мои, величайшая ценность нашего времени – звездчатые адаманты. За границей их называют стелларами, а вы, старообрядцы, еще кличете их одолень-камнем или самосветами.

– А что это?

– Ты, верно, чувствуешь, как он тебя зовет? – с грустной усмешкой пояснил священник. – А еще сам себя и других со стороны видеть можешь и воздействовать на тех, кого видишь или чувствуешь. Вот от него вся эта сила и исходит.

– Как?!

– Господи, чему вас только учат! – вздохнул отец Василий. – Ведь элементарных вещей не ведаете. Решили, небось, зачем вам, простецам, знать сие? Ну, ладно, слушайте. Началось это в царствование блаженной памяти государя императора Николая Павловича. В одна тысяча восемьсот пятьдесят третьем году.

– В год великого знамения? – воскликнула отличница Фимка.

– Ну, хоть это запомнили, – хмыкнул батюшка и продолжил: – Ученые потом пришли к выводу, что на Землю упал не то метеоритный дождь, не то три кометы разом, не то еще какая напасть приключилась.

– Не разобрались, что ли, ученые? – удивился Март.

– А у них завсегда так, – развел руками священник. – Ничего толком не знают, а скажи им про Божий промысел, так засмеют, суеверия, дескать! Ну да Бог им судья. И вот, значит, после того знамения сначала неурожай был, потом мор прошел, война началась, а затем все как-то наладилось само собой. Только в местах падений этих тел небесных стали люди находить эти самые адаманты. Вот тогда-то все и началось.

– Что?

– Экий ты нетерпеливый! – укоризненно покачал головой духовник, после чего продолжил: – Камни сии красоты великой, а потому дорогие. Вот так и получилось, что стали их продавать, и оказались они по большей части у людей богатых и знатных. А уж потом выяснилось, что они силу дают людям. Не всем, конечно. Иной, бывало, родом не то что от Рюрика, а от самой царицы Савской ведется, ан нет, не видать ему Божьего благословения! Другой же из самых что ни на есть простых, а в нем – свет Господень!

– Но поскольку камни в руках у богатых, – сообразил Март, – то и одаренных среди них больше!

– Верно, – кивнул отец Василий. – Но не только. Во-первых, дар пробудился и в тех, кто добывал сии чудные самоцветы. Не сразу, правда, и далеко не у всех, но бывало и такое. А во-вторых, если камень носить с младенчества, то его сила на дитя рано или поздно перейдет. Тебя вот на семна-

дцатом году эта судьба настигла! А дальше все уже от человека зависит.

– Вы думаете, это мне родители дали?

– Ну уж не господа попечители точно! Но самое главное в том, что у тебя целых три «звездчатых адаманта». Такое сокровище не каждому великому князю вешают.

– Так Мартемьян что, принц?! – воскликнула Фимка.

– С чего бы принцу на шею старообрядческий крест повесили? Нет, ребятушки, родители нашего Мартемьяна из двоеданов²².

– И где теперь их искать? – влезла Фимка.

– А вот это, дочь моя, не твоя забота! – укоризненно посмотрел на девушку духовник. – В общем, чада мои, прощайтесь. Прав ты, коли знать ничего не будем, так и не выдадим. До Сеула отсюда недалече, доберетесь, а там, как вас Господь вразумит!

Отведя Вахрамеева немного в сторону, иеромонах негромко произнес:

– Ты, Мартемьян, запомни. Одаренный сам собой не силен. Тут знания нужны и учеба. Без науки никакая сила не поможет. Во Владивостоке и Хабаровске есть два лица для тех, у кого открылся дар. Императорский, там учат без денег, зато после надо десять лет отслужить Отечеству и государю. Второй – частный. Ничего никому не должен, но пла-

---

²² *Двоедане* – прозвище старообрядцев, из-за того, что приверженцы древней веры облагались двойной подушной податью.

та кусается. И никаких стипендий. И вот еще что. Не знаю, куда вы направитесь, однако, как я посмотрю, ничего у вас с собой нет. Пойдем к машине, – говоря это, он шагнул к борту пикапа и принялся греметь железом, роясь в ящике, намертво прикрученном к кузову и закрытом для порядка на замок. – Я, грешный, ради всякого случая в пути вожу с собой и котелок, и еды немного, и фляжку с водой. Забирайте себе. Вам больше пригодится. Опять же лопатку пехотную. Ничего, своя ноша не тянет! Нож-то у вас имеется?

– Да. А вот спичек нет.

– Этим добром я вас обеспечу

– Отец Василий?

– Что, сын мой?

– А на летчиков, ну, которые воздушными фрегатами управляют, одаренных учат?

– Еще бы. Для них особое отделение есть в воздухоплавательной школе.

– Это хорошо. И спасибо вам, святой отче, за всё.

Передав все походные принадлежности, иеромонах благословил своих воспитанников, после чего крепко обнял и отошел в сторону. Ефимии тоже очень хотелось обнять одноклассников, но она не решилась при батюшке и просто протянула на прощание свою маленькую, но крепкую ладошку.

– Береги себя, – с улыбкой сказал Вахрамеев, пожимая ее.

Киму расставание далось труднее. Он с полминуты переминался с ноги на ногу, не выпуская руку, несколько раз тя-

жело вздохнул, затем шмыгнул носом и под конец с огромным трудом выдавил из себя:

– Ну пока, что ли.

– Прощай, – с явным разочарованием взглянула на него дама сердца, но потом девичье сердце все-таки оттаяло, и она тихонько спросила: – А ты правда думаешь, что я красивая?

– Ага, – часто-часто закивал бедолага.

– Тогда до встречи, – прыснула от смеха Фимка и, чмокнув на прощание покрасневшего как вареный рак Витьку в щеку, побежала к машине. Они еще постояли, глядя на пылящий по проселочной дороге пикап и, только когда он скрылся за дальним поворотом, переглянулись.

– Чего дальше делать будем? – признавая лидерство друга, задал первый вопрос Виктор.

– А куда нам спешить? Разве что давай повыше на горку в зеленку заберемся, заодно и обзор лучше будет, и вариантов отхода больше.

– А что такое зеленка?

– Лес. Зеленый. То есть с листьями, – на ходу пояснил Март.

– Ой, смотри, конфетное дерево! Жаль сейчас не осень, можно было бы угоститься.

– И куда в тебя только лезет? Сядь пока на пенек, съешь пирожок. Только молча. Мне надо подумать.

Первым делом Март достал из кармана гимнастерки из-

рядно помятый конверт, на котором крупными буквами был выведен обратный адрес: «Вахрамееву Игнату Васильевичу, Кангвон, почтовый ящик № 12». Вскрыл и принялся за чтение.

«Здравствуй, крестник! Вот и закончились мои больничные мытарства. Списали старого служаку подчистую. Правду сказать, лекаря, как могли, старались. Даже настоящий целитель приходил и правил силой своей будто благородного какого. И все же я, грешным делом, думал, ногу мне отрежут, уж больно ранение тяжелое. Все бедро в клочья, кости на куски. Однако, благодарение небесам, обошлись без ампутации. Так что могу сам ходить, хоть и с костылем попервости трудно было.

Да что я, старый пень, все о своих болячках? Тебе ведь, Мартемьян, уже шестнадцать исполнилось! Приют свой в этом году ты оканчиваешь, и я слышал, с отличием. Мне же за прежнюю верную службу начальство дозволило при радиомаяке поселиться, чтобы, значит, за ним приглядывать. Стало быть, есть у меня на старости лет, где голову преклонить. Я это к чему пишу? Коли есть такое желание, так приезжай ко мне в гости, а коли надумаешь, так хоть бы и жить!

Домик, конечно, небольшой, но в тесноте, да не в обиде. Места же тут славные. И охота есть, и рыбалка, и огород, если надобность возникнет, завести можно. Море опять же рядом. Отдохнешь после учебы да без суеты подумаешь, как

дальше жизнь строить. А то, может, и жениться надумаешь, так я на старости хоть твоих детишек понянчу, раз уж своих Бог не дал.

Твой крестный, отставной боцман Русского воздушного флота *И. Вахрамеев*».

Спрятав письмо обратно в конверт, Март присел на ствол поваленного ураганом дерева и задумался. За прошедшие двое суток с ним произошло столько событий, что иному хватило бы на целую жизнь.

– Новая жизнь и новый мир, – неожиданно вслух проговорил он, будто пробуя каждое слово на вкус.

– Что? – встрепенулся занятый своими делами Витька.

– Ничего, – отозвался, успокаивающе махнув рукой, Вахрамеев и снова погрузился в размышления.

Несмотря на то что этот новый мир встретил его неласково, ситуация выглядела отнюдь не безнадежно. Концы он, так или иначе, обрубил, и найти его неведомые недоброжелатели пока не смогут. Во всяком случае, если он сам этого не захочет или не совершит какой-нибудь фатальной глупости.

Опять же, забросило его не куда-нибудь к благородным до приторности эльфам и кровожадным оркам, с которыми непонятно что делать, а к вполне себе привычным людям, и даже страна та же, хоть и не без отличий. Плюс ко всему этому – молодость, здоровье и ощутимо усилившийся дар.

С последним все вообще очень хорошо. Если в прошлой жизни с трудом удавалось подтолкнуть в правильном или, точнее, выгодном направлении окружающих его людей, то здесь он мог буквально давить и заставлять. Особенно после того, как вернул себе крест с алмазами. К тому же, судя по словам священника, этот дар и силу можно развивать. Вот этим он и займется в ближайшем будущем. Но для начала надо пообщаться с крестным. Должен же он помнить, где нашел мальчишку, то есть его. А значит, можно попробовать разгадать тайну происхождения Мартемьяна Вахрамеева.

Ну и, конечно, позаботиться о Викторе. Так уж случилось, что в прошлой жизни рядом с ним не было таких друзей, как Ким. Приятели, с которыми можно пообщаться после работы или снять девчонок и отправиться на шашлыки, были, а вот чтобы так: не задумываясь и не выгадывая идти до конца; быть готовым, если понадобится, прикрыть собой, – нет, такую дружбу терять нельзя!

Пока непривычно спокойный Март читал письмо крестного, Виктор еще как-то мог сидеть смирно, но после того, как внезапно повзрослевший приятель погрузился в раздумья, деятельная натура Кима дала себя знать, и он, от нечего делать, начал перебирать вещи. Сначала осмотрел котелок, затем полез в ситор, где нашел коробок восковых спичек, а также трофейные ножи. Вдоволь поигравшись с мультитулом, раскрывая сначала по очереди, а затем все разом лезвия и прочие причиндалы, принялся собирать сухие ветки для

костра.

Обнаружив во время этого увлекательного занятия куст орешника с почти прямыми ветками, подросток тут же срезал парочку и принялся мастерить из них тросточки, а для того, чтобы получилось красивее, вырезать на коре разные узоры. Затем, распалив небольшой костерок, обжег свое творение. Получилось, на его непросвещенный взгляд, весьма недурно, и он с улыбкой человека, с толком проведшего время, обернулся к своему задумчивому товарищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.